

10. Еманов

—
X
—

Селпатовск

Глубокая ночь на дворе. Тетю Васильеву
не сидится в жарко натопленной горенке
боковушке. В окно хлещет бьют снегом
ветер. Как будто сто гермей с ведрами
справляют всемогущую бесшабашную
оргию. Станом стонет ветер за окном,
завивает голыми ветвями в трубе.
Не спит старикуют ноют руки и
ноги, на сердце тяжкие невеселые
думки. Скрюченная костистая высохшая
как птичья лапа рука отражает
на ударную резную трость. Волосы и
барбада белы как снег. Глаза ввалившиеся
большой горбачи нос стал острее
выдаваться вперед. Когда то красивые
темно карие глаза подернулись зеленова
тым оттенком ильдеи из глубоких
глазниц под седыми лохматые бровей.
Лицо и руки били как из пергамента
Шутка ли с Тетрова дядя ему поим

девятью третьим? год. Согнулась спина
под тяжестью пережитых лет, и
чуждого труда. И теперь долгими
зимними ногами осталось только одно,
думать, обдумывать всю прошлую
жизнь. Нет! он ни о чем не жалеет. Вся
его жизнь прошла как хотел он. И если
бы ему было предложено начать все
снова он сделал пожалуй бы так же.
Он ни когда в жизни не любил, так,
как некоторые объявляют свою любовь
почти какой то роковой. Нет! совсем
нет! Он никогда в жизни не любил так
мгновенно, жгущей от не любви
но за все годы совместной жизни, привлек
к себе. И она стала ему незамыслимой
существом в жизни. Теперь на старости
лет много передумал маме ее, это
много бы не погителет с ней. Но

прошное обратило не вернется. Давно
не было в живых сестры Анастасии
Васильевны. В Юрише умерла дочь
Марьяна. Сейчас уже захоронено в
душу запоздалое раскаяние. Что надо
было во время помириться с землей
и отдать долги пригласить. Слова и
слова протосиств перед глазами бед
прошлой масть. Теперь уже ни его не
исправили слишком поздно. Все внуки
в Юрише были взыски, внуки переже-
нулись и имели свои семьи. Дочь от-
резанной мамой и внуков со стороны
дочери Петр в счет не брали. Все его
богатство уже давно перешло одному его
сыну Ивану и внуку Андригогену. Но у
Андригогена пока не было не одного сына
наследника, из всех пяти рожденных
Акимей детьми остались в живых

две девочки самая старшая Катя,
которой пошел шестнадцатый год, и
семилетняя Даша. Второе мальчиков умерли
двое из них не дожив до года, а третий
Тавел умер на третьем году этим ле-
том. Сильно плакала и переживала бед
Екатерина сестра смерть любимца и
наследника Тавушки. Крепкий шустрый
мальчик вдруг заболел в самые лет-
ние жары кровавым поносом и сколько не
легли не какие не травы не лекарства
не помогли. мальчик слабел день ото дня
и чрез неделю умер. Петр Васильевич как
теперь видит, на лавке под образами
исхудавшее почти голубоватое тельце ребен-
ка своего правнука, накрытое белой холсти-
ной, и слезы навертываются на старческие
потускневшие глаза. Вот уже прошло
полгода но не кто не может забыть эту

утрату. Ашкетид сразу как то етиско
посидела и постарела ходила как поте-
релная, но большое хозяйство требовало
заботы и внимания и все стали по тем
ногу забывать смерть ребенка. Только
старши дед Тетро все дни наблюдавший за
больными правнуком видел как тяжело
болел и умирал его правнук Тавушка
Глаза и ротик ребенка были открыты.
Так остались глаза открытыми и после
смерти сколько не старались их закрыть
и пятаки ложили и так закрывали все
старания были бесполезны. Обиновившая ребенка
бабка Бекла соседка, шенула работнице
Фросе: "По велику видать у их шчо покой-
ник будет в этом году." Дед Тетро хотя
и был огенто стар но етиско превосходно.
"А штаб те тинут на язык от акалнтад,
падумал он, но велику ни гесо не ска-
зал. Да и то сказатъ мол би огреде"

уширатъ то не Табушкита Зожиленъ и
да, уже не го не надеваетъ. Мона и
май гереб скоро. Тохеме и хватитъ.

Разителъ мой суротив мня на много
моложе умер, кому сколько веку даво,
про то не кому не ведомо. Далеко уже
за постою не считае геду дули
одна гезнее другой тяжело на сердце
не выносимо тяжело! Что оно предув-
ствуетъ, это то предвещаетъ. Омираетъ
на троетъ уже в которой фаз
он тяжело кряхте выходитъ изъ
горенки беретъ с гвозде свои дубле-
нныя малахай и мангенку и в ста-
рахъ подшитыхъ шмак идетъ в
прихожую. За окномъ по прехткому свие-
титъ и востъ, все неистая сила варва-
лае на волю справляетъ мадамъ. Дед
Петро ваходитъ в сети затем не

кришшо. Двор по колесо замело снегом
ветер со страшной силой бьет снегом
в лицо и валит с ног. Но крепкая
Есмановская постройка выдержит любой
ураган, не то это ветер, ей хоть бы
это. Дед идет к воротам долго приему-
шивается к вою ветра не идет ни
обоз. "Топозди снаси сократки их в до-
роге в такую непогодь. Где то они
теперь? еще позавчера должны бы
приехать? Где задерживаемся? почему?
что с ними? в дороге великое бывает
Сам дед Тенро ездит всю жизнь в
дорогу, знает. Теперь и корму лошадей
у них уже нет. И должны бы они уже
давнo дома быть, если все по хорошему то
да благополучно еще до летели приедат
Замело ~~в~~ все дороге. Не видать и
не слышат ни где ни кого и не
его. Дед вышел за ворота пробуров

ливал глубокий снег стал вымыва-
ваться до того берег Курш, да
что только в такую непогодь
разве что увидишь и услышишь
ветер уже забрался под шубу к
деду и в рукава, охлад и крестясь
пошел обратно во двор. Даже со-
баки спали в катюрах и не было
слышно
Ни одного звука кроме вой ветра.

Что там кадит! Дедушка это ты?
На крыльце накинута шуба с голо-
ви стояла Тина. Я думаю приехала?
Нет Тиношка эти люди не кто не
приехал, да и не вред ли еще
в такую непогодь поедут, все равно
гденибудь остановятся ночевать. Вот
только корму то лошадей у их уже
теперь нет. Ну можа где у ково
овса то кушит. Тина ушла обратно в
дом, а дед Тенцо пошел в пригород

посмотреть скотинку. Ум, заботится бабен
ка то, не спит тоже. Только мой, мой
стогадой, все ни поем, забавляе
дряхнуть с вечера, и как только спит
человеку. Когда дома шван, она еще
нелетного поедит кот с вечера похва
дет ум это нибудь поделает, ну
уже если шван нет дома с самого
вечера забавляется только и знает
это свое дело отращивать. Когда
женщина Андригоетта и у них пошши
дети, к дому прирублены прируб.
Теперь дом у Емантових был
настолько велик это хоть играй в
прятки, из коридора ум как они
сами называли прихожей, было шесть
дверей в разные горницы и горенки
за сет темные сетей увешены
кухню прирублены еще два окна
и когда была одна своя семья

обедом на большом столе в кухне
А сени прирубили новые со множеством
всех великих кладовых и шкафов
вделанных в стены. Новые сени были
осенью просторны для дневного света
было в сенях два окна, одно не
большое над дверями, другое во
двор, и в обоих окнах были вставле-
ны железные кованые решетки. Все дом
был поднят высоко на кирпичный фунда-
мент, позади дома стены старой
погреб, который еще страшнее когда то
дед Василий, и прямо от сеней поста-
вили каменную кладовую, благо, кирпич
был свой. Епанови умели делать хоро-
шим кирпич звонкий прочный и негой
и строительный, и за лето наделывали
его много, когда было вдоволь работников
и все неги для обжига кирпича работами,

двинулись, день и ночь. У Антонины давно
уже не было в живых не отца не
матери, и Иван с Антониной в Таши-
ле продали дом и все недвижимое ее
родителей, а все ценное движимое и
весь оставшийся капитал Сперидота
Даниловича Лукашеникова по закону влился
в Еманновское хозяйство. У Серафима Иванов-
ни ни когда не было детей не от пер-
вого не от второго мужа. Последнее
всего богатства теперь был один един-
ственный Антонин Иванович со своей
семьей но шли годы, а наследника у
Антонины так и не было. Антонин
был с детства слаб здоровьем, не
то это его отец Иван или дед Тимо.
и ростом он был ниже отца и деду-
да и в летах позже. Отцу не смотря
на свои шестидесять лет вышедше

молодцом одной правой рукой оста-
навливал на скаку коня, брал за
рога двух годовалого быка и пригибал
к земле, любили бороться по праздни-
кам и "уносил круга". На спор подни-
мал розни, тяжести, перетягивал на
канатах добрых пяти мужиков в деревне
Худощавки всякий милетный от обла-
дач небокновентной силой, в руках
гнул ^{мог узлом завязать} подковы. Если в дороге ^{железными прутьями} навали-
вался воз, от одним мегом подни-
мал тяжело грузетный воз и сто-
вил на место. Было такое впечатление
как будто собрались все мужики да доб-
ровольно и уделили ему каждый по нем-
-ную свою силу. Обладавший изумредной
оризической силой, Иван Тетровиц имел
отменное здоровье. Ни кто из семьи не
помнил да и сам он тоже, тогда

хоть раз он все то болел в своей
жизни. И в свои шестьдесят ~~лет~~ он
всегда значительно моложе своих
лет. Висок и строен, бронзовое от ветхого
загара лицо. Не одного седого волоса на
висках. Черные как смоль волосы надетри
жены скобкой окладывает густая борода
оформила красивое лицо. К старости
Иван Петрович не утратил своей
мужеской красоты, а с годами как
будто стал еще привлекательнее.
Рядом с ним толстая обрюзгая
жена, годилась ему матерью. Срадила
Ивановна и в молодости не была кра-
сивой, сутуловатая с широкими толста-
ми бедрами, и с покатыми щеками.
А под старость еще больше располнела
и стала совсем безобразной и нелепо-
ней. Была она хитрой и лживой. И
особенно не любила прелесть и театр

Видя вторично взаимно за Еманова
она метала со временем склонить
мужа на свою сторону, полностью
подчинить его, стать великой хозяйкой
Тереехата в урбит и открыть торгов
лю. Но Иван Петрович тоже это и
его отец был крепкий орешек, он
больше всего не любил чтобы кто
то вмешивался в его дела, особенно
женна. Отца он еще почитал и слушал
но чтоб слушать жену или невестку -
никогда! "ни в жизнь!" говорил он, а
что может понимать баба в мужиго
их делах, ну в хозяйстве што можно
допустить! а в торговле? Ее место у
печи да за скотиной. Но Иван Петрович
хоть и бойко все торговлю хлебом
молком, продавал пенку, лет, веравину
кожи, ободы, делами у Емановых в

мастерской и готовиле каша и позднее
и кирки, но он почему ^{думал} то не так
как его отец, Петр Васильевич, он не
стремился выехать в купечество так
поспешно. Может быть он был не так
деятельный как его отец? Может не
так изворотливый и хитрый? А может и
выиграл все то? О своих делах он не
любил говорить много. А еще больше не
любил хвастать и показывать на виду
свое богатство до поры до времени. Но
свези у него были везде большие и торгов-
лю он все исправно. От большого хозяйства
была прибыль, записка давала большие
доходы. Война с Францией 1812 года пот-
ребовала больших затрат. Чтобы победить
столь многочисленную вооруженную до зубов
армию Наполеона. Демидовские заводы на
Урале день и ночь отливали пушки, гото-
вили оружие. Работных людей нужно было

кормить. Урал ни когда не мог обес-
печить себя хлебом. Хлеб всегда боль-
шей частью завозился из Зауралья
из Юрмуга из Ирбитской Белослудской
и Байкаловской слобод. Много хлеба
и других продуктов продавалось на
Ирбитской ярмарке. Чтобы выбрать
момент и продать подарком многие
деревенские жители сами возили в
западн хлеб. В урожайные годы, как
правильно Еманови не продавали хлеб
у них были хорошие добротные склады
для хлеба, большие амбары и завоз-
или на зашке и дома, где хлеб не
хранится много лет скапливался
годами до неурожайных лет. Както
они вели торговлю, каждый год ездил
ли в дорогу или в Ташки или в
Телевское, и возили хлеб в Ирбит на

Армарку, Война и Неурожаем? в 1812 году
повысили сильно цену на хлеб, и после
ирбитской Армарки Еманови сразу же
засобирались в дорогу с хлебом в Алапа-
-ицу. Был конец марта стояли мороз-
ные утренники, но днем притаивало, до-
роги осели и потемнели солнце падни-
малось все, вилы и оселителем
светило приближалась весна. Труженные
хлебом возы стояли посреди двора
Петр Васильевич говорил за ужином
сестру Авдотью: Не ездим бы вы ребята
уже в дорогу то. Наделят нас на пого-
ду ни на дорогу тинеро не как нельзя
а вдруг оттепель? на февральская намедь
внидет, жарки будут, зерно подмогит
а подмогетное извещто по демовке поидет
Напрасно наверно вы собрались гулом мои
кости перемена погоде будет. Уже на
последний путь трудно наделят.

Иван запустил мощную фужу в свою
целую, герную складистую бараду взворо
ише ее подумал и пригмаживал
сказал: Не го батюшка тут до Ана-
пайки не далеко, Бог даст скоро абер-
нешел до крутай то там уедем
домай приехат. Ну не то как знаете
если скорай оттедем не будет, уедем
можно. Когда запрягли лошадей на
дворе потемело гуть надувал южный
ветерок, кружал поетал луча сидла
в себе, во всю гувтовалось прибли-
жение вестн. Какое то внутреннее
гутье показывало это ехать не нуж-
но. Но холодный расветливый неадный
ум говорил, другое. Обоз на этот раз
был не большой из семи подвод пое-
хали вгетвером. Иван Петрович сел
Андрюгоет и двое работников. Впереди

ехали сами хозяин за ними работника,
а Андригоет на самом последнем
возу. Дед Тетро закрыл за ними
ворота и крестьяне пошел в дом.

Днем ехало "рабочее" на дорогах
образовались большие очереди с гремящей
навозной жижей. Петр Васильевич пошел
давал с тревогой на дороге говорил
"не надо было ехать! Куда же ехать
в дороге по последнему пути? Зерно
промогат. На Тобровке того зерна наледо
видеть. Ну, на Реме там по мосту
могут обехать. Ох господа хоть бы
землишком то не ехали! догадались
на тракт выехать к Тобровке то
пусть дальше... Все дни ездил
старика невеселое думю. Услышю, слы-
шало сердце. Чувлю беду. Трахи сроки
давно бы должен возвратился обоз домой
а все нет. В чем дело? А тут еще

вдруг все небо к вечеру затянуло
низкими, как осенью, темными тучами,
хлопьями повалил снег, поворачив ветер
с севера и такая метель поднялась
кажется смешалось небо с землей.

Всю ночь не уснул дед Тимро при каж-
дом новом порыве ветра гудел но
иконки в переднем углу вздыхал и
крестился. Всю ночь горела лампадка
с деревянным маслом перед иконой
Николая гудотворца. Там утро метель
нагнала стихать. Ветер набесновавшись
за ночь, как бы начал устывать, сти-
хает по немногу, и наконец на рассве-
те затих. Небо стало очищаться. Бывали
и раньше такие метели раньше весной
даже и позднее, во время сева, ~~иногда~~
в народе их называли "отзимками"
Но если у тебя ни кто не узнал в

дальнего до рогу и вся семья дома
есть корми скоту в темных хлевах
то над такой метелью люди толь-
ко пошевелились. Старик сидя в
похоронце говорил разны шутки
кто во это горазд. Если метель
нагналась вкоре к нам Ирдитской
ярмарки то говорили это пьяные
герти с ярмарки едут. Если около
Евдокии, то говорили это „Евдокия
свое шубы выдывает“. Если же
отзимок приходил на сев около
Георгия то говорили старик Егорий
Тобедотосец на белом коне ~~едет~~ со
зимом сражается. Ну а если когда
еще не стали все предшлогодний снег
и тихо и плавно на землю опускался
новый люди говорили сидя на осел-
тементую белизну нового снега; это это
„взук за дедом едет“.

Утром метель насильно буйством
прекращалась как будто век ее не
было. Ветер скотгательство стих. Из-за
горизонта выкатилось огромное огненное
светило, и розовым светом озарило
сугробы. В каждом дворе лопатами
огневым снег. Снегу было столько
что у некоторых ворот нашли боль-
шие сугробы, и мужики на лошадей
вывозили за ограду большие куча со
снегом. Дед Тетро с работниками
стариком Федотом и молодым парнем
Аронькой давно уже огрели весь двор
и вышли убирать снег за ворота
Федот погребая за ухом стоял в
нерешительности. Тетро Васильевич да
тут в судящую собаку!... Вот бог
дал снежку!... на лошаде возить
надо!... Это хорошая помощь бы для

пашки, док што ветер шибко боль-
шой бие с полей то покривало да
унесло ноги. Все к воротам да к замко-
там притауило. Дед Тетро уже не мог
много работати брале одишка постол
еще некоторое время за воротами
посмотрел во все стороны и пошел
в ограду. Овоз пришел вечером того
же дня молодай стез начал ешито
притаивати было вагенти, лошади
хлюпали ногами по талой воде
Дороги мгновенно раскисали, превращался с
каждым шагом в жидкое месиво. Дед
Тетро уже помог бабам управити скотину
сам проверил хорошо ли все закрыто.
и вышел за ворота посмотреть овоз
уже надвигался с моста в гору. Топот
да где же у них седьмая то ло-
шадь? Дед ж жаловался на зрение
глаза у него еще видети хорошо.

Тогда же они карюху то дали? И
Бенка где то не видно. Вот сват идет
туда сколько помогает в горю варюху
вот работники езди, а где же
Андрюхен? и старик шлепая бредет
каши по талому снегу, засыпая
наберегу обозу. Обоз наехали в горю
и подкачали к Емановской усадьбе. Из
окна обоз увидела Лилию проворно вы-
бежала и уже открывала ворота, за-
ней же стена переваливалась как утка
вышла из сети Серафима. Здорово
Батюшка! Ну как вы тут? Да мы то
никого! Как вы свезли? Где Бенкоет с
карюхой? Бенкоет вот в сани лежит
зачем он! Тогда с нами приключилась
Батюшка утонем мы карюху то вместе
с возом в Реже. Батюшка твой том!
Да как же это вас угорозило?

Да вот так! В дороге великое бывает
Не надо было ездить! Федот с Аграфь-
кой спешно вытрясаем усталых взмо-
кших лошадей. Андриногену помоги
встать, вылезти из саней и поведе
в дом. Амминый бежала сбоку с растрепан-
ным видом и посиневшими губами
уже в сотый раз спрашивала Федо
где у тебя болит то? Возом тебе
штом? Лицо у нее было блед-
нее круглые зеленые глаза округ-
лись как у кошки и не мигая
смотрели то на свекра то на мужа
В избе помоги Андриногену раздеться
уложить под теплую одеяло. Амминый
с Серафимой затопили печь гряди
греть воду и готовить лекарства
У Андриногена была сильная жара
заболело грудь и не давал покоя

беспрерывный сухой камыш. Там
старшая дедка Андриговета, вешка
танецкая, сфайтал с камиши маза
ми, больше своей сестры Дамы, бже
в Епановскую породу, в кухне нафр-
вала на стол. Дамы ей помогла.
За ужином Иван Тетрович рассказывал
отцу надредно о случившемся в го-
роге несчастье: Бодровку ми, бамтом
ка переехали хорошо, ну и дальше
решили зимником ехать. До Рече
знают, доехали смотрим наледь уж
на реке то. Там же в передом изу
долдно ледот кнутовилуем, а наледь
та само гудоко до обривки. Ну ду-
мано гелуха это нура то не проедет
воронуха коднею смелая сразу пошла
проехав в коть ба што, оставше зе-
мной, а Бекко сзади на последней

прошло семь лошадей прикремонтами
знают уже, вода то выше обрива
стала Фрогет и решил видно свер-
нуть в сторону, а тут стенок был
тоши промудр фидаки выдольши, тоши
промаца бала да ежом не припо-
рошило. Не утешил што Федор с Иванком
всехат из реки смотрим вот беда
то Фенко вместе с возом и с
Карюхой в воду угруз. Карюха брется
в помные то всекогит метается
да где там в упрелке то всекогит
мн кинулись Тедка распрегат оглоблю
теби ввернуты. Фенко пад сядли.
Потом все же голова у него показа-
лась и руки, падем оглоблю то, а мед
так и трещит вокруг помнени. Возни
броши все же влез. А карюха с возом
утонула. Раздем мн Фрогетца. Кое што

сухое пообдирали адеши. Трощрог он
шидко отъехам с полверстк намолам
сущаку трыт и кречало с содай
до везд не скоро очать то добудемь
с горем пополам коестер фазожем
погрелел он, одежу посушыме. поехам
до шивы далеко. Тде то ут за
полного приехам в Луцкнское.
Фингогта шидко озноб дил. Как зомез
он на него у хозяина, ногою нар
на него накрив, а утром видима
дело совсем худо, оставим ми его
в Луцкнском то, сами дильше в
Асманку поехам, дунам отлежител
пока тузе ездим. Показали хозяине
легитъ его, денег дам. Фенко и сам гово-
рит! пролежу днѣ два тфи, профрелю,
может и полегает. Кмед там продам,
загрузимся, поехам в обратный путь

видим Фюген не толи что за это
время поправился а враде еще бол-
ше расхворался, но что нам ^{думо} делать?
не оставим же его посреди доро-
жкы как слез он с него адеме мы
на его тулун дружины сверху накрыви-
так в сатях лежа и ехал всю
дорогу. Нашел его шибко мучити и в
груди стеснение. Не дай бог захворати в
дороге. Ну да же уже теперь, дома то
скоро пойдет на поправу, утро надо
баню истопити, прогреемся в бане то
сразу полегает, да и там с дорожкы
помишем надо. На утро жарко топим
баню и парим в бане Андриногетта, но
ему не полегало у него был сильный
жар, дохание со свистом выривалось из
груди не смотрел на все стороны
домашних. На пятый день по приезде из

Аманжи Анригоет умер.
Не берусь даже оценить все горе семьи.
Как мало даете человеку в жизни на
его веку радости и как много ^{он} терпит
великих несчастьев, невзгод и горей. Но как
нива падает, кажется уже совсем
вбитая в землю градом, так и человек
по-маленьку отпадает, среди повседневных дел
и забот забывается горе. Вот уже прошло
сорок дней после смерти Анригоета. Подождем
еще. Весте выдалась, хотя и поздней, но
теплой. Иван Петрович с работниками
выехали пахать в поле. Но такая большая
утрата не шла с ума. Все вышло из
рук. Умер единственный наследник Есмановых
последний оплот и надежда семьи и у
него даже не осталось сыновей. Два догера
ни когда не заметят одного сына.
Брат в дом зятем за Катериной

нет расгету, зятъ все равно будет
чужаи человек, да и какой он еще
попадет. "Томовое прожидати все пади!"
думал Иван Тетровиз. Взятъ какого
нибудя в снорове чужого или сироту
Все равно он будет чужаи. Чужое не
присетавимъ не присемимъ. И можно ли
будетъ даверитъ ему такое наследество
Томовое богатство не всякому идетъ
на пользу, другого можетъ и испортитъ
в конце, сделать полницей и мотом.
Телементники в Юрмиге снорове Марианки
живутъ все своими домами, да еще и
гордые огеня. Да и вообще Иван Тетро-
виз почти не знаа их. Вей селме
Еленатових смерти Анриногеня присела
большое горе, и не все не поправилиую
утрату. Какой то неведомый рок повис
над их селмой. Как будто за мадностью

к богатству и наживе. Карающий Демок
лов меж тем занесет над их домом.
Торе это беспредельно переживаем каждый.
Дед Петро с своим ивотом потерял
единственного наследника. Кому оставит
все нажитое столь долгим изнуритель
ным трудом? Теперь уже было дело
это семья будет с годами распадать
ся как картонный дощик. А мамин
имеет право потребовать три
пуда надежда на себя и на дочерей
и вкати взамуж. Теперь это свобода.
Вдова, и может жить где и как захочет
Надоумилось, надорвалось в душе у Ивана
Петровича умер его единственный сын и
не было больше детей? Не больших и
маленьких кроме двух втушек Антонино-
новых дочерей "ну что с них толку?
думаю Иван Петрович, хоть бы один

внук был велику хозяйству наследник!
Да и чет же, обе девки! Тогда через
два три Катюшка взаму же выйдут
погдавай пригодное! А толку что?
Нам то от этого не легче! одни хло-
поты да издержки? А не работница, не
хозяйка в будущем... и все пойдет
прахом, в последствии все проживут,
против гужие люди.. Так все богат-
ство и уйдет не куда! А сколько
хлопот! Не выносивая тяжкие ушибы,
сколько ногей не доспано! Мучимые перевоз-
могами себя на работе, а в дорогах?..
Боже мой! да знаясь му к чему мы
едем в рабунтину то потрелись?
Мил бы был Анрикоген? А может стоево
веху еому было на рагу написать!
Иван Петрович! Где пахоть то тинерл
будем! Окликнуи его работник Федотка

Ась! Допахал я там кентом! Иван
Петрович опомнелся, стоял он с
кнутом в руке у мери и лошади
его дружно цинами первую весеннюю
травку, и не сразу понял это от
него предует работник. Он не смил
даже как Федот подвезал с сохой
к нему почти вплотную. „Не гоже Иван
Петрович так убиваться об енке
не возвращеши теперь уже ево, а сам
себя заубиши. Сколь хочи на людей
в таком разе гужах поста не падаи
до безумства дохадет.“ Нет! Нет! Федот
это я так просто задумался. Чо уже
думать о енке то, думай. Не думай не
вернешь! Умер не в пору да не во время
ко видно так тому и быти! Столь веку.
Дело то к науке, победам похвалу, зови
остальных то да за кривою ног поедим

там на буре пашию повадуло наверно.
В том году в Епановской семье еще
был покойник глубокой осенью пошел
Тюкратов снег и через неделю умер дед
Тетро на девяносто четвертом году.
Епановский дом теперь до того стал
просторным это в некоторые горницы
поместили работников чтобы в зимнее
время оставаться все зимы. В пертые зо
все годы, кушечный когда то у Арохвеш
дом стоял пустым. В деревке Треденной
все было своим переделом. Ими годы, это
поколение сменялось другим. Все так же
доучили старики собирались в пожарнице
и обсуждали разные вопросы, иногда к
слову вспоминали и Епановых. Не иначе
как на извад пошла у Епановых
семья то! Ну ладно дед Тетро тот
пошел? а вот Фюген от совсем

молодой. За мажноты к Намиве Бог
наказал их вот го! Не поехали
бы тогда в распутицу в дорогу то и
Фенко бы был живой, вот как у лошади
вместе с возом утонили!.. Как это
Фенко то не утонул тогда. Вытащили
а толку што, все равно гребу чужую
ушер, простил он шибко. В дороге
захватить ^{самое} паршивое дело. Иван Тетров
тикеря один одишешек из мужиков
то в семье остался без всяких ~~нае-~~
маников с одними бабами и сам от
уже не молодой кому же тикеря все
богатство то? Тикеря еще взаду
пойдет да девок с собой возьмет?
Латке то уже большая сама скоро чеве
та может с матерью и поидет у
дедка останется, а дедко Иван в дом
за нее зятя возьмет. Кто зят? может

и возмешт, это их дело. Как знают
как ходит. и разговор переводили на
другое.

После 1775 года ^{*} Ирдит ^{*} город стал самым
крупным торговым центром, не только
всего Зауралья, но и всей Российской
империи. Указом ~~Екатерины II~~ Екатерины II Ирмар
ка скоро возросла и приобрела
славу и размах небывалых размеров
уже в то время находилась на пере-
сечении всех караванных путей на
границе Европы ^{и занимала выгодное положение} и Азии. Товары вози
из всех городов центральной России
из Сибири меха, железо с Урала, из
Ташкента и Бухары фрукты и ковры.
из Китая чай фарфор и шелка
Торговли мог стремиться на Ирмарку
в Ирдит из-за границы и многие торговые
фирмы стали доставлять свои товары

как водным путем в летнее время, так и зимой бескапельно тонушем по всем дорогам к Ирбиту грузят конные обозы нагруженные к ярмарке товар. Ярмарка в Ирбите занимала второе место в России после Нижегородской. С той разницей что в Нижнем Новгороде ярмарка проводилась летом, а Ирбитская зимой с 15 февраля по 15 марта. Кроме кирочного производства в Ирбите стали появляться небольшие заводчики винный, пивоваренный и завод фруктовых вод и напитков. Многие Ирбитские купцы стали перепродавать заграничные товары. Но все же каждый год с закрытием столь известной ярмарки, Ирбит в Ирбите как бы затихала и он превращался как и раньше в глухой закоуточный городишко. Промышлен-

ности не какой в скором времени не
предвиделось. Экономикою всей России была
подарвана в связи с войной 1812 года
особенно в летнее время торговля в
Ирбите стала негнотомна, это было
крайне не выгодно купечеству, а задно
и духовенству. И тогда духовенство
города Ирбита решило вырешить из
создавшегося положения и купечество
и себя. Была договоренность со светей-
шим синодом с митрополитом Сергием
и с архиепископом Федосием. Что было
сохранено в строжайшей тайне не
только от простого народа, но также
и от именитого купечества. Было
решено светейшим синодом разослать
совершенно секретно по всем церквам
для ознаки народу это же в городе
Ирбите повывшая свещная икота

Таракеви великомученица, которую будут
вносить в храм в девственную пятницу
после паша при большом стегении
народа. Во всех церквах при каждой
заутрене и обеде поны говорим
проповеди. Рассказывали подробно народу
о чудесах этой святой иконы. Что
якобы пришло в нее одной доброй
старушке: ей было велено на утренней
заре идти на Кекурскую гору
что за речанкой Арай и на висо-
кой одинокой стоящей березе взять
явленную икону. Старушка эта будь-
тогда не пошла на гору в тот
день. Сат в следующую ночь повторил
ся. Но она и на следующий день
не пошла. Тогда в третье утро
сат этот ей явился с угрозами
Во сне, некто, ей говорил и голос

его бы погребен гробу "Иди раба
божья Федосья на юг и восток до
восхода солнца и приходишь ты к
горе. Возьми икону с высокого
дерева и помести ее в храм.
Она явится вашему народу, тогда
спасет его. Если же ты вернешься
и не найдешь за иконой
то веком все село твоё погиб-
нет, а дом зрашит. Что было делало
бедной старушке если господь избрал
именно ее для такого дела. Но
кста ее большие пады всемирный
ну допустим не большую икону она
и донесет так ведь лето сказано
что она на высоком дереве, а
как же старушке Федосье взлезть
на дерево при ее всех немощах
и нога болит и спину пресекает

да и голова от востра закружится
Разбудила бабка внучанка Ванюшку
летъ девяти и пошли они в двои
к этой горе. Без великого труда
они нашли одиноко стоящую ветви-
стую березу. Стали осматривать и
увидали на этой березе совсем
небольшую в дорогом окладе икану
Бабка Федосья велела Ванюшке
залезть на дерево и снять икану
но иканя тут же исчезла с глаз
сколько они не искали больше ее
так и не видели и вернулись
домой ни с чем. На гетвертую
ночь Бабке опять приснилось тоже
самое но было велено идти одной
тайно чтоб ни кто не знал и
в дороге не останавливаться. Отрака
Иванна с собой не бери говорил голос

он не достанет иди огня и задуб
свои немочи. Тоша бабка Федосья на
этот раз на гору огня, как было ве-
лено испослание все в точности. Без
великого труда как будто в детстве
замысла она на березу и сделала
львиенную гудотворную икону. Разница
была только в том что где то
в Адаманской деревне гудотворной
бабушка говорила своим прихожа
нам что гудотворная львица в
урбите не старушке Федосье, а
отроку Ивану. Но эта разница не
имела совершенно не какого значения
Наряд своим поводом в урбит в
девятилетнюю девочку. Все старались воздв-
нуть на гудотворную икону и изучивать
свои недуги. Ученик превзошел все ожида-
ние урбитского духовенства. Предназначена

громоздта. На горе, где явилась гудотворная икона стали строить часовню. От первого же молебствия внесенный гудотворной во храм „Спаса“ были такие приливы что можно было построить пять таких часовен. С тех пор так и повелось каждый год к девятой петице отовсюду стекался народ. Времья это было весной, самое свободное, скот отошел, парки пахаты еще рано, скот на подножном корму, и до сенокоса далеко. И люди все от мала до велика кто мог двигался или ехали в урбят к „девятой“ на Богомолове. Народу в урбите стекалось не сколько не меньше чем в урмарку, а может даже и больше. Везли на телегах и в хадках всяких больных глухих слепых увечных

и совсем недвижимая парамитная.
Богатые пошли к иконе Тараскеве
великомученице бывшие пожертвователи
и "прикладн". Церковь "спаса" на берегу
реки Ирбитки всегда в "девятую" не
могла вместить всех богомольцев
Городская дума во главе с духо-
венством уже задумывали строить
для чудотворной иконы большой собор
не далеко от городской тюрьмы. Решение
было так: во первых позволило место
крепкое и высокое. И ^{во второй} ~~в~~ ^{благосвет}
собора каждый раз напоминал неспаст-
ным заключенным, чтоб они кавились
в садельники своих грехов и преступлений
Каждый год весной к девятой пятнице в
Ирбит или к ехам богомольца многие
даже проделывали расстояние не в одну
сотню верст. Дороги к Ирбиту все были

загружены народом. Еще дрова за два
до дровяной выси переполены народом
все постольные дворы и гостиницы. Все
гостиницы дома сдавались в наши бого-
мольцы. Хорошо это дровяная пятница
приходилось обаяно на наше или
средины иной люди Носовым на
сеновалах или просто во дворах
а многие просто в поле за городом
под телегой или у костра. Если
бы в то время посмотреть на
окрестности Ирдита с самолета,
Представился бы вашему взору такой
картина: Как будто какой то непра-
вильный стая, весьма многочисленный
обложил и окружил этот небольшой
городок со всех сторон. Везде у
костров копошились люди, отгоняя далеко
назад комаров, и заодно готовили

пищу тут же наемив стрелометные
кони. Слышались негромкий говор. Разно-
силась аромат веревки и легкой кортоски
Далеко за полночь говор стихал, засыпал
весь лагерь, только позванивали уздечками
лошади. Люди как бы кольцом окружали город
останавливались в ногах перед девятой пест-
ницей и под деревней Мелниковою на «весе-
лых мужиках», и за озером возле Верао-
турского тракта и за Ницай рекой,
те кто ехал со стороны Байкальской
слабади останавливались на ногах почти
у самой Кекурской горки. Кормили лоша-
дей после дальней дороги, и готовились
здесь как можно, встать, ранние поут-
ру здесь занять место поближе к
гудотворной. Но приблизиться к икоте
было не так то просто. Больные увер-
ные, страдающие великими неизлечимыми

болезнями и недугами уже давно сидели
вдоль дороги по ту и по другую сто
рону даже иногда не взирая на
дорогу. С рассветом все приходило в
движение. Все кто был в городе до от-
каза запрягивали всю мощь перед
церковью спаса и даже все близ
лежащие улицы и переулки. Долгие
часы проходили в томительном
ожидании пока откроют церковь
и начнется заутренняя церковь
как обману было полна народа
народ так набивался в церковь что
не куда было встать. В время заут
рени от жары и духоты запаха
ладана некоторым даже становилось
дурно, но выбраться из церкви было
так же трудно, как и зайти.
Ладаном плотной стеной наполняли

притвор, портал и ограду. В церкви,
в основном, поближе к гудотворной
становились обряды, те люди, которые
носили иконе большие "приклады"
и пожертвовали на строительство
большого собора Тараскеви великому
генуи. Остальной народ дожидался
гудотворную на улице вдоль дороги
Кангалаев заутренние церковные службы
требовали чтобы народ вышел из
церкви и дал дорогу. Когда люди
ничего не рассуждали и давали
дорогу гудотворной, икону ставили
на специальные носилки и духовен-
ство под стройные звуки церковного
хора выходили с иконой из церкви.
Икона ослепительно блестя на сол-
нце дорогим котом из золота
и драгоценных камней. Всех церковных
служек при иконе и гостях добро-

волею и богатого и знатного купечества
было великое сотовщество. И тогда в
народе началось твориться это то
необразимое. Наряд полз на коленях
просирав руки и гудотворной просел
защиты и помощи крига: „Матушка,
великая заступница Таракеева спаси
нас и помилуй!“ и так от самого
церковного приговора и до гасовки на кежурекской
горке все тело верет мади таята
ложившая на дорогу под икатой преле
в ночь или грезь, мешая нести
носилки, и шествие таялось краине
медленно. Все болотце которое хотели
изучивать от недуга долго перед этим
постылись не ели и не пили водн
несколько дней и поэтому сильно осла-
бел и ждали еще долго когда уже давало
прошел крестный ход и пражели икоту

Но вот наконец шестые достигли
места назначения и назначалась обедня
на открытом воздухе гудотворную
ставили под той самой березой где
она была и великое множество
наряда обетного богослужения плотным
кольцом но дальние ряды все же
так и не могли ни чего не уви-
деть и не услышать. После обедни
всегда был молебен. Служили за
здравие тех кто мать детов и
подавал поминальник. В девятую по ми-
нальник стали дорого и катяно
же не все могли отслужить по
себе молебен. После молебствия икону
заносят в часовню наряд назначал
расходиться и валим валим в город
по магазинам. Каждый старался до-
секокса и стража купить все необ-
ходимое соли, сахару ии ситцу

многие покупали железный товар. гвозди
топоры были косяк серны. В страду
ведь не придется ехать мерить
драгоценное страдное время. и Наряд
в девятую старался в Ирдите заку-
пить все необходимое. До поздней
ночи болело в Ирдите много торговцев
в магазинах лавках ларьках и просто
на улице. А задно и все швейные
заведения были перенесены Нарядом
Ирдит преобразовался вкорне. Если с
утра Наряд валом вошли в церковь
и на коленях стояли перед иконой
св.тати Тараски. Не теперь этот же
Наряд было совсем не узнать, валом
вошли в кабаки и трактиры и в
увеселительные заведения. До глубокой
ночи в Ирдите продолжалось предвод
оргия. Тинками гармошки Орали

песни, купчихи раскачивались как во
время ярмарки на трайках с велики-
ми девицами. Устраивались гулянья на
песчаном берегу реки Ницы и даже
на самой реке, при этом даже много
танцую молодого народа. Некоторые
богатее до того обнадежились что
устраивали попойки вечером в деве-
тью даже в городском саду почти
рядом с церковью святого спаса
где стояла чудотворная икона, и
пировали не один день. Троемне люди
из деревень закушив все нужное возвра-
щались домой. Но нашлись и такие
слишком приверженные и настыривые
мадоники, особенно из дальних деревень
и их при том собралось большое ко-
личество, и стали великими путями
доискиваться увидеть своими глазами
старушку Федосью и ее внука Ивана

которыми являлась гудотворная икона
Чтобы увидеть своими глазами, а
может и покатиться таким стовь
избранными людьми, узнать о их жизни
особенно старушки Федосьи, как она
могла стать доемальной такого гуда
но все усели их били тучити.

Сколько эти люди не старались ток
и не могли найти эту семью, где
жила эта старушка Федосья. Спра
шивали у всех и везде. И обычно
горожане отвечали им так: "Не знаю,
мабезни, где это было, кому она
являлась икона то, говорит какой
то Федосья, а где живет токая
не видел, не приходилось в лицо знать
такую. Но толпа дошнних людей все
продолжала разыскивать доемальную старуш
ку. И наконец вrede ба уж напала

на след наша на окраине урбита
в ветхой покосившейся избушке ста-
рушку Федосю такую же ветхую
как и ее избушка, с сиротой правнуком
иваном. Соседи указали на них. Но
старушка на шестю отпиралась от
такого: што вы православные выдумо-
ли? што вам сказал што мне
иконна явилась? да стотомное ли
дело это, штоб мне грешнице
иконна гудотворная явилась. Не достой-
на я этой благодати. Тада яничем все
ли с Ванькой живем больше. Летом
то ишо ладно в подпаски ханьмаются
весной в борноволюки, а зимой либо
осенно в непогодь не одетонки не
обувки нет у ево, а я шибко хво-
рал да и то погетай деветай, деея
так живу куда уж мне сподобитсь

Всех пережила радных вот адит
и остался у меня правнук Вадим
как померу адит совсем остаетел
гореминтний. А про гудотварную я не
го не знаю кому, где и как оно
лвиное, люди говорят по разному, а я
на старости лет врать не собираюсь.
Наконец дошли две другие старухи и
старухи фазисками все же таки в
ирбите ту ^{калицю} Федосю с внучком Иваном
и фазисками очень даже просто,
можно сказать сама она отыскалась
и уже так то она расхвасталась
и уже так то она расшевала, как
будто заранее к разговору такому
приготовилась, заранее все по полог-
кам разложила. Уже так то под-
робно рассказывала о гудотварной
это ни в одной проповеди ни в

одной церкви такого ни кто не
слыхал: „И стислось мне ноги добрые
по три ноги надред растворились
будто,halbu вижу, небеса и голос
мне с неба приказал идти...

Трижды слышала со вниманием
а толстая обрюзгая неопределенная
голова больше вадущивиделась вить
раз жирное потное лицо грезным
передником все больше и больше врама
ее шествование светлым мозги так
и бегами как бы шествовали приемы
людей. Сидит толстой с большими
ноздрями нос так и прилеживался
не будет ли какой поживы от при-
шедших богомолцев. Налованный озорной
парень то и дело бегае взад и вперез
и она исподтишка грозилась ему
здоровенным грезным кулаком шлепала

ему в ухо отборные ругательства.
потом видямо терпению ее приняв
кашеу и она усердно работая кула
каше вытолкала парня в сети
надавав предварительнo ошух.
Трогнала на ушцу и плула на
кривые под зад вернула в
избу и как ни в чем не бывало
нагала продолжать свой рассказ
парень лет двести босой в през-
ной рубахе нечесанной и не умытой
где в окно дразни ее приставляя
к голове рога и корга рожи.
„У! Урад прахметти! Земле окаяное! Н
Богомолца все адит по одному ветю
с лавки и пошми к виходу. Да
што вы погтенные пошми? сидите..
Да нет, засидешес мне аднако у вас
хозейка.. идти надо по домам... -

Каждому было ясно это врет баба
это это совсем не то это они
исками потом они узнали от
соседей что она совсем не Федора
а Фека и это этот Валоволоний
называется порець вовсе не внук ей
а дальний родственник, какой то двоюрод
ный племянник, а сама Фека в
молодости была баба распухшая и
даже теперь любит баловаться лицом.
Кажется такая старухе не как не
могла явиться икота это было ясно
всем. "Суди ее Бог, говорили богомоль-
цы, а нам надо по домам расхаживать
не ково видно им тут не найдем.
Иванов день прошел дома на покос
скоро поедут, а им тут ишо все
прокляждемся". В колозниках и лавках
купцы с приказками надежтавали

Барини и бтми весьма довольни
Хорошо торговля надвинулася. В девятую
летницу у нас товары так же
хорошо идут как и в ершарку
А сколько прибили с богомолцев за
квартиры и и постольные дворы
А сколько прибили в эти дни дают
картежи трактиры и кабаки.
А какой доход духовенству. И город-
ская дума решила надо строить
большой собор Тараскеве это еще
больше привлечет богомолцев. Да
надо обязать во всех церквах
этот попп больше в проповедях
говорили о гудеях в ирдите в
девятую летницу. Тут попп там
больше говорит своим прихожанам
об изменении больных увечных.
Если допустим в Байкаловской

свободе пусть говорит это гудо
произошло в Ницннской. большой
вздоровел сменою прозрел и прогел.
и наоборот в Ницннской говорит
это гудо произошло в Трайкаловской
если уж поверим в гудо сразу
то и дальше будут всему верить.

Ну насчет этого само духовенство не
промахнется убит уму разуму их не
надо. У нас своя забота построят
собор большой и красивой. и дейст-
вительно грез несколько лет собор Тарае-
вке великомученице бим насат строят

* * *

В деревне стража. Сенокос в поном
разгаре. Солнце поднимается в зенит и
жжет невыносимо. Акулы стрекогут
кузнечики. До боли в ушах. Иногда стре-
кот их становится до того оглушитель-

лет это будто тисем молотков
боют по маленьким наковальням. А
может быть это всё это от не-
терпимой жары. Давно взмахом
стилки косцов. Тобурем от пота
зубами между лопатками, прижимаем
к телу. Розлева и работники то
и дело надкадят налитое квасу
к большому трехведерному ведрю.
Всем досаждают, слышно, и мадам
и катили паутки и сени. Небо
внувало и ~~подушка~~ ^{лекло} от зноя. Там
полями попевавшей. Ями и у
дальнего леса дрожит мажево.
Ни ветерка ни малейшего дуновения,
в замеская, как в намоленной пещи.
В тени густых кочков стоит потну
го стреноженне лошади отмахивается
от оводов хвостами и пошнупто

встряхивая згибой. Тяжело всем
и людям и животным. Ну и
марина сидит, говорит работник
Федот козленку Ивану Петровичу,
Сколько живу на свете, помню
такого дня не было. Да полноте,
Федот! Если день может и жар
е, да те прошлые ты уж и
забыл. Лето не без жару, зима не
без морозу. Жар да суше теперь это
хорошо. Бог дает через неделю с сево
косом управимся, а там жар поспешит
До того лесу дайдем, попутным, а
там шедшим и солнышко к низу
покажется жара спадать будет.
Косим на замке Сам Иван Петрович
его вдова еноха Акимов с обещан
дочерью остальные все были работ
ники сезонные и постоянные

Серафима Ивановна давно уже
недомогала и оставалась всегда
в страду дома, с работницей
пожилой петлицей Неней женой
Федота. Неня делала всю до-
машнюю работу у Епановых
ухаживала за скотом, который
был ~~домашним~~ ^{не на заводе}. Приглядывала за
домом, стирала, занималась
очарадом и делала всю прочую
работу по дому. Пошел уже тре-
тий год как обвела Алешин
стакан после смерти Антонины
ее сватами, но она отказалась
всем не отрез и взамен это
ригто не за кого не пошла
она хотела приложить все свои
стаби все Епановское богатство
осталось в ее руках, и в руках

ее догери? Наследников больше не было
Старшей ее догери Катеньке пошел
семнадцатый год. Таг два и девка
на выданье. Дед ее любит больше
всего на свете и как-то же не
пожалеет не придето. И Аммиши
тайто мабовамае шедя не старшую
догь внакую страйную красавицу
Магшешкал Даша была похожа
токто не ее самую некрасивая
болшефотал зеленоглазая но она
~~была~~ была еще девочка подросток. Вира-
метт ви правител и эта, думала
мать про свою мадшую догь. А ее
удел жить теперь ради будущего своих
догери? Котил она и осталась вдовой
тридцати шести лет ни чего не
подумав так она видна ее судьба.
Тел зави всех поужитат будем, скози
стоже свекор. Векоре все работницы

и работницы шли на станное
цель на телегах митовки. Ста-
нное было у телеги в тени раски-
нутых березок, тут же была
выкопанная яма избушкой
пожара зноби не нагревался сидеть
в дубовой бочке квас для охоти-
ки. Женщины работниц сразу все
стали помогать Тут готовить
обед. А где же у нас Катерина?
ты не знаешь Дашутка? Спросила
Тут младшую дочь Катка с Дуби-
кой и Зинкой побежали купаться на
Осиновку я с ними хотела да меня
не взяли. Какое еще мне купанье!
еще этого не хватало! беда то
в Осиновке вот такая холодная
княжева. Зараз с жару то простыть
можно. Беда с этими девками

Своем не ково не существуют и не признают, хуже парней. Дунька и Зинка были девки уже известное мн по всезнающим бабкам и семье, обе из бедных многодетных семей, так и выросшие в гуаши модях в Нельская борноволокская, а когда стали взрослыми, в строке в пострадаках. Така собирали обед все три девушки явились на сток как ни в чем не бывало только и выдавали их мокрые волосы. У работницы Дуньки была длинная толстая коса и она зажимала её на ходу скорее прятала под платок. Там, чтоб не навязать чужих свекра на молодую работницу решила умолчать об этом. Искрались девки в резке ну и что тут особенного

жара же теперь, может и в Омско-
ке вада темная, не го им не
едется от того что окунулись в
ваду. После обеда она сама со все-
ми с ними поговорит. После обеда
отдыхом не долго, пошл косить
по гащобам. К вечеру вышли на
подношцу к овсяному полю. Овен в
Этот год удраше стояли стеной
и уже нагнали белеть. Жара к
вечеру стала спадасть с поля пот-
нуло замахом поспевающих хлебов
стало попрохладнее Иван Тетрович
в домотканой белой рубахе и в
широких таких же домотканых
пестрядных штанах шел впереди
всех делая самый широкий прокос
в косе ни кто не мог угнаться
за ним. Он обладал большою физи-

геккой сеной и ловкостью. В работе
он был скор и удач. Не смотря на
возраст в любой работе он как гово-
рился мое заткнуто за нос любого
молодого человека, он был трудолюбив.
Всёкое дело выполнял тщательно с
усердием и охотой и любил все хозяй-
ственные работы. Осветил гекк раска-
ленного солнца накануне то пополу к
закату тени стали длинными и ураг-
мивным. Иван Тетров с сеной взял
нуи последний раз косой венок берет
и краиву поу кустом одивакой иви, сто-
-лицы у самого поля и вдруг услышал
отдалнный шек как бы стон и кнекой
куропатки. Раздвинув ветки куста он
увидел смертельно раненую птицу и
штук шесть нестрелковых птенцов пу-
ховских. Некая кровно была в през
смертных судорогах ил мать зами-

цая сваим телом детей. Торсенто
стало на душе. Торсенто окривавле-
ную косу. Тоснади! Да как же
я так!... Ну кто знает это
тут твое звездничко? Ну это же
я надевал. Ттица больше не заши
цалася он без труда взял ее в
руки красивая головка ее потихонько
круглые глазки бусинки закрылись
подернулись голубой пленкой. Вместе
со крохотных птенчиков жались в
гнезде друг к дружке и жалобно
пицали звали мать. Иван Тетро-
виз бережно положил на траву
~~детищу~~ ^{мертвую} птицу, подобрал косу витер
тицателю свежей кошенилой и зама
гал прося. На сердце словно лежал
камень на душе было смутно и
не спало, как в присутствии

какой то бедн. Назавтра косили
снова после полудня срезали сено
улицами в стого. Девкам работни-
цам было хоть бы что, а Катенька
защелочила у нее наемный хлеб покажи
вало в боку и над лопаткой появились
сухой кашель с зимики ее отвези
домой. Вот уже и отомли соломенные
ноги всемог сенокоса поехали жить
все работами на полях Катерине
Андреевской стало вроде полудни
и мучил надеждный сухой кашель
но была она была ко всему безраз-
лично и как бы только на глазах
ее легли как могли вешенными было
лучше но не надолго. Вот уже и
лето отомкнуло зарницами хлебозо-
рами Ураме с полем. Небо все гуще
хмурилось птица полетели в тени

край. Нагашив обложки осенние не жалеет,
Загорелые до герботы на летнем
осенне работнику Зинка и Дунько
уже штином куделью и ешталом
дти до Токрова, когда же их рас-
гитает козлит, и они хоть нектого
отдохнут в своих семьях побегают
по берегам и может где нибудь
встретят своего сухетого. Осеню ешуд
но бывает это все дело свет горед
как из ведра и они ешудт в ризе
гешут лет. Работа с куделью миль
наль они ешудт и ешютел "Скица
в нос." "говорят одна другой, жешит
в ризе светого у всех на матках
и на одежде миль. Открывают окно. Кто
нибудь нагашает напевать вполголоса
заучившую пошлвудю песню "Потерела я
коляска... потеряла я мабав...
Песню подхватывают все. Всегда в любви

кампание найдется две три женщины-
ки которые могут хорошо и сочно по-
петь остальные же подпевают как
могут. Заведущей песен сейчас была
матреша, баба лет тридцати пяти,
многодетная и из большой бедности, но
не унывающая никогда, они вместе с
мужем своим Никанором были в строке
у Есмановых сезонно, до Токрова. Через
две недели Токров, Есманов их распускает
и они будут свободны пойдут в свою
деревню Нижнему Тамшеву, где в худшей
покосившейся избушке их ждут не
дождутся четверо маленьких ребят-
шек и старая болящая свекровь.

Токшиная, лет пятидесяти, женщина Влаве-
вна стала соваривать женщин когда
они особенно распеши и запели развеселую
песню "во кузетке" Что это вы распеши
седни к добру ли? Козлева уелкишат

Ну и пусть елишат! сказала озорная
Зинка. А кому нужно паделушивать то
Тюшкин дом? Нет она с Катюшкой в
гарде. Сафаринишка из дому не выходит
у не говорит ваденке, ноги опухли
как гурбаки стали. Неню у их теперь
в дому то все правит. Ну а самому то
ивану не до нас он теперь без Зинка
на гаети разрабаеет везд поелит
надо самому доидет. Везде управлюция
нетавил, а доидет от все равно за все
надо самому. Погадите уже вот Тюшка из го-
рада приедет она вам все порядок
задаст. Тюшке теперь не до того, Катюшка
то у их шибко хворае говорит гелотко
у не, скоротеееа, до весна то доидет ли
Тоспади ну с того бы это кажес уж
тут все есть пошит поелит и одета
и одута, не то што ли гелитне.
А кто знат с того! Захварале до и все

такие то еще хуже. они нежные
а мы што.. строгие... отродясь не
жили по словесам, так и умрем.
Да!... сколько кому видно веку положено.
Вздыхнув сказала Власветна вот я с ма-
машей лет как помню в гущих людях
в страве и в огне горела не сгорела
и в воде тонула не утонула, и леги-
ной гуть не зашибло, и кони топтали
и под бороной была. Да вот все жила
В миру лежала семь недель родить не
могла думала помру с голоду, ах нет!
видно не судьба. А тут вот го бы не
жить Катерине то Аристократовне при
полном то богатстве, а она хворая
стала, может што выежится говорит у
самых знатных докторов мчат. Тюшка
будто бы даже в Екатеринбурге, везти
ее хотела. В ирбите слыш ко ей доктора

не шестуется. Ну это уж дело пусть хоть в
Москву везут книги свои Катерицу, Дарю
останется ну уж та голыми матушко
и видом и нравом, Катюша та похорошеет
Ну надо баба две недели не много уж
как забудь это в коть расчитала нас
как следует да и по домам. Ой дома
то работы накопилось за весну да за лето
мозга не шлудят. А нас с Никотором,
как мамонка совсем падет, приидет
наверно уже на год в сток закабалитесь
и избушку бросать куда же тогда деть
ребятишек то, одних не оставим маме еще.
Старшая, Власевна уговаривала баб: „Давай
те баба уж как забудь постаралась поробили
попуце да падале, за неделю эту куделью
Тюшка велела всю осветить, а не шло
вон сколько много, не успеет. Ох вить не
посчитаются и после Тарова заставят
даделывать. Байки девки работницки Зинка

с Дуцкой фирмой. "Ну уже удки стабы
мы еще после Токрова остаемся им
работать!" А еще могут и не задержать
нас, друшка работнику найдет. А что
при расвете поцумив все вытнут.
и пойдет тебе на руки то шим на
постном масле. Вот и юбки на вас
хоть они изурбаны, а ведь и за их
положат дорого. Ох баба сколь мы у их
кудели перемешали. Вот бы всю эту
куделю да разделить между нами.
Вот бы мы направили за зиму то
да наткали холстов то кругом мож-
но одется да еще и продать. Да!
Вот как же "бы" вырели в носу грибок
не видать же когда там с вами
столько кудели. А лет от вот сколь же
хороше длинноты волокнистны... Ой за
много то вить уклад нужен. Землю ту

добру надо, навозу, удобрению, глубоко вспа-
хату, да шло не одинова, а как под-
лен продвигаются поле... Знаю! знаю!
тетя Устинья! Знаю что лен такой вы-
растить только Еленовым поу силу, а
нам уже где... не сожи... не борони... не
кабана борони. Ну ладно баба Ченцова
паче тата зовет, пошми чето!"
Тозаглаза все работници хозяйку звали презритель-
Тирошка, а в глаза с погнетием по шло
отсеству Амелия Спиридоновна. Серафима
Ивановна в последнее время как шло забо-
лема в сест не шло, с ней не сестал
се в семье не кто, и ни кто ни чего у
нее не спрашивал и с ней советовался. Упрямая
своестранная Тил все больше и больше
захватывала вместе по дому в свои
руки. А хозяйством правил один шло
Тетровиз с помощниками управляющим

мельничном и поточной заводом у него
работник и искусным мукомолем Елизар
Киршицкий завод работал только летом
на сезон к нему приходил мастер
киршицкого дела, Якоб Ташишевский. В
кузнице у Емановых работал уже много
лет Артемий из Ирдита. На заводе у
Емановых были постоянные и сезонные
работники и управляющие за последние
годы перебывало много. Но в прошлом году
к Еманову нанялась семья Кайасовых. Сам
глава семьи Федосей Лукич мужик был
сообразительный умный и расторопный и не
смотря на молодость в свои тридцать
пять лет вошел в доверие к хозяйству
быстро, и Еманов поставил его управле-
ющим на заводе, а молодую жену его
Стену кухаркой. У них было двое детей
но дети были небольшие старшему сыну

Федоса Луккина Ваське шел восьмой год
барноволоком в подпаски или в сивакое
контн возить самый тот. Ну а вто-
рому ребенку, тоже мальчику, Тимке
шел еще третий год. Вместе с ними
присекала пожилая женщина мать

Федоса Луккина Агнел, она тоже работа-
ла, но заимке ухаживала за скотом,
прела, ткала холсты и водила де-
лала великую работу. Когда то эта
семья жила в своем доме и даже
был кое какой достаток, отцу Федоса
умер в тифозный год. Сын был еще
небольшой но как говорил беда никогда
не приходит одна, а тлет за собой
дружную беду. В засушливый неурожайный
год, когда Агнел с маленьким скотом
были в поле, в жнитво, собирая скуд-
ный урожай, в деревне Крестовке, где
они жили вдруг в соседях сидели

помаф. Кто в деревне в страду
сидит дома, немощные старухи да
маленькие дети. И большая часть
небольшой деревушки Крестовки высо-
рела. Когда Аннид с сыном приде-
шли домой в деревню. От их дома
и дворовых построек остались одни
головки. Аннид продавал последнего корову
чтобы построить хоть какое то жилье
но на другой год от сибирской язвы
пала лошадь и последний теленок. Это
могла сделать одинакая пенсия вдова
только одно здать в нем землю чтобы
не пропадала в пустошах и идти в ст-
рок к богатым чтобы хоть как то
прокормить и одеть себя и сына.
Да с тех пор так и пошли Федос
вырос и женился в строке в лучших
людях. Жили они во многих деревнях

у богатых мужиков ходили и в Ирбит
наши мальки на кирпичный завод и к бога-
тым купцам, и в ярмарку работами
без сна и отдыха, да только не вышло
толку, не как не могли скопить себе
денег чтобы хоть избушку поставит
да лошадейку маломальскую купить.

Решили поехать сгасить еще у
Евманова на зашке да так туят и
остались: „Что толку ходит от одного хо-
зюина к другому, все хозлева одинаковы
говори Федоско, все модет этада работ-
ник как можно лучше и больше дела.

Вот наконец и престолоный * праздник
Токров. Если троцца, самый всеелый
то Токров, говорит самый сатный праз-
ник. В наrade всегда Токров ждади с чете-
пенцем, котд и редко на Токров бивает
добрал погода, одичо бивает дождь елечком

гряды и там не менее все же Токров
в народе самый великий пора деревенских
свадеб и гулений. На Токров в деревне
гуляют долго потому это основные работы
все сделаны, а молотить еще рано.
Еще за неделю до праздника начинают
готовиться, мать в избах, варит тиво
розных сартов и брагу, в последний день
перед праздником колют бараки варят и
жарят едут гости из других деревень
Козлова расчитывают свои сезонные работ-
ников пострадам. Аминил Стригановна
вернулась домой за неделю до покровы
оставив дочь Катю в Екатеринбургской
больнице она была почему то уверена
что ее дочь обязательно выживет и
она будет здорова. После Зинаида она
собиралась непременно съездить ее
навестить, а себе будет лучше

то и совсем забрать домой. Вернувшись
домой, хотя дом и был в полном порядке,
она все же ходила некоторое время
вмешивала к чему бы еще прибраться.
скотине была в полном порядке. Кудески
огущена. Все было сделано, прибрано. Надо
было расеивать медунт работнику.

Тогда на молодых и здоровых девок работ-
ницу Дунку и Зинку Тина зло и остро не
навидела их, ее тонкие бескровные губы
сразу поднимались и зеленые глаза зало-
жились не добрым огнем. Ею сдерживал
себя на мадре, она кедла их в душе
самыми последними словами и вносил
ний дить при расете на едите чтоб
не кто не слышал и не видел отод-
рала за косы и нагавала ошлеп. Это
вы иради зудили мою доев. Тобили мог-
да кунался на Осетовку. Это вы во
всем виноваты! что она тинера

стала хварай, а вам хоть би што
ми морди наем! Точидем но вое неть
ни да би вам не покрашки. Весто би
всю несть вам по миру ходит!..
Тетя Тил ми не вицавати она
само нае звама кунався.. слезиво
тетюли девки. Трости нае тетя Тил!..
ми не думаем... што... Какал я вам
тетя, негодича!.. уходите!.. с маля
глаз!.. зтоб я вое ни когда боле
не видела. и Алешиня розразилась цымы
потоком брати. Девки, схватив покорее
свои кошмы побешам домой, радн то-
му зто ходит их все же раедитал.
Тосе знаменна уетановилел хораший сат-
ний путь и Тил решила ехати праве
двати дое. Мужики собрашев в "дорогу"
с хлебом в Тольевское через Екатеринбург
и заодно довезти ея попутно до Ека-

меринбурга. Там она была сильно заар-
тачилась, она не хотела ехать с
обозом так медленно, она просила
свекра отвезти её в Урбит а
там она уедет на перекладных
курсерской тройкой, так это было
бы намного скорее и интереснее,
чем ехать в такую даль на возу
с мешками. Но погода стояла с
осени ещё теплой, и Иван Тетров
не разрешил ей ехать курсерской.
Там задумав но со свекром спорить
было бесполезно он во первых всегда
был непреклонен в своих решениях
а во вторых спорился с ним ей было
теперь не выгодно. Кто она ему теперь
вдова еноха, густой человек, отрезанный со-
мной обратно к булке не приставил.
Захочет свекор может видеть и все. Сраженье

Ивановна безнадежно болела. С Катериной
еще не известно что будет. Нити
связывающие ее с Епановским домом
очень тонки и хрупки и могут
порваться в любой день. А этого она
боится больше всего на свете. Из-за
этого она оставшись молодой вдовой
не пошла вторично замуж. Весь Епановский
капитал казался так близ-
ко, что можно закопавшийся клад не
давался в руки. И она все же
хотела чтоб Серафим Ивановна
жила дольше, а свекор умер раньше
тогда уже без сомнения, она ~~была~~
бы со своими доверенными пошла всеми
наследствами и как хотела так бы все
и повернула. Уже она бы тогда сумела
развернуть по своему эту всю громадную
мощь с бесчисленным неизвестным

шестерками и колесиками. Так думала
про себя Аммали Спирдоновна. Но судьба
да готовила ей другое.

В Екатеринбургской больнице Катеньку
мать застала в слезах еще более
бледной и похудевшей. «Что с тобой
милая, тебе здесь худо? С тревогой
в сердце спрашивалась мать. Ведь я и
Иродан столько денег стравила и чтобы отец
за тобой ухаживал как следует. От дру-
гих больных отдельно держали и кормили
как следует! Я и так мама была
отдельно от всех да уж ишко тоск-
ливо все неагу... домой охота... Сама
попрошлась вместе со всеми... А не ест
едн кормят хорошо только я есть
не могу ничего дух тут ишко гнет
мной. Мама возьми меня домой
пожалуйста прошу тебя. А то здесь

я умру. Тогда на дров у матери
навернулись на глаза слезы. Ладно
возьму домой, тебе. Сяди же похлопай
насеет курьеркой. Разговор на едике с
врагом тоже не всемо, ни какой
надежда. Тие, враг как бы извинился
и отводя глаза сказал: „ Я советую все
ее забрать домой ей там будет муз-
ше в деревне гнетки воздух и пита-
ние, посты пусть она не страдает.
Она у вас, видимо, ни где кроме дома
не бывала и поэтому сильно тоскует по
вам и по дому. Все имеет. и поэтому
легенне ей не идет в прок. Да и болезнь
эту вылечить очень трудно. Но она моло-
да будем надеяться.

Тие не мешкая собрала дров и лошадей
с курьеркой тройкой увезла в ирбит.
В ирбите ваши дров по всем лекарям
и знахарям. Ваши в церкви стоя

приглаживалась к гудотворной иконе
Тараскеве всекомузнице, после чего поехали
домой. Дома Катя стала стало
лучше хотя отец изредка покашливала
щеки ее горели нездоровыми румянцем
в шарах был михрадогный блеск. То сове-
ту врага за обедом мать ее кормил
из серебряной посуды. Стало отец в отдель-
ной маленькой горенке где всегда хоро-
шо жарко напечивали кашу. Мать
безнаказно за младшую дочь Дашутку и
не давала особенно много находилось же
вместе. Но у Дашки были свои подружки
и она иногда была у нее дни. К рождению
бы Катя настолько понравилась это на
светлая даже была со своими подруж-
ками вожитв. Но тут в Елпатовскую
семью пришло горе. Давно и тяжело
болезнию сражена Иватова на своем
ноя вдруг слеза и через два дня умер

Во время похорон стояла лютая холод.
Болезнь простуды Катю не повезли на
кладбище. В доме было много других
людей. На поминальный обед было много
нищих, потому что год этот был
неурожаиной, и отец развелось множество
нищета. После поминал работников и
пришлые бабы мамы и скреби все
дом. Иван Петрович был мрачен
он явно видел это со смертью
его жены сражались Ивановны еще
не кончилось вымирание Евановской семьи.
Бесспокойная смерть давно уже намети-
ла себе новую жертву. Все домашние
знали что Катю жить осталось не
долго разве это до весны, и болели
за младшую ее сестру Дашу, как
бы и она не заболела гонимкой.
Амелия не находила себе места

она словно похужела и постарела
за этот год и могла спать
подолгу молчала, шедя на равнорядные
душевные муки светлых говарисел
в иступлении: "Господи да за что
же на меня такие казни? Чем
же я провинилась перед тобой?
Потом долго думала, взошла на
мягкой перине, и не выдержав вет
вала беснуently как привидение
шла в рубаше и нижней юбке в
маленькую горенку где спала её
болотная дочь. Осторожно стобя не
разбудить мать приоткрывала дверь
но дочь не спала " Это ты мама?
Я, дочка спи! Мама посиди со
мной. Мать присаживалась на край
широкой деревянной кровати. Спи ми
нот, спи! А я и так сплю! Где

у тебя болит то Катинка?
Да ни где у меня не болит, вот
только кашель... и кашель скоро
пройдет. До весны вот доживем
тепло будет.. а маме к девчонке
в урбит на богомолье поедем...
и там поправимся.

Всю зиму Еленови привозили к
Кате всяких лекарств. Но к весне
болитно усилчалась. Девушка маме
с каждым днем ей становилось
все хуже и хуже. Уже перед обе-
дом она с трудом вставала с
постели. Ее знобило. Закутавшись
в большую верховую шаль она
садилась спиной к камину и
безугастно шлепала в окно. А за
окном уже ослепительно светило
солнце вавно сверкала варабле

и канало с краи. Аммиши ста
рамаа придаѣ бодростъ своему
голосу говорила: „Ну вот Катинь-
ка видишь вестя, скоро темя
будет на ушцу выхадитъ будеще..
а там, идешь и поправилсь
Нет, мама, не поправилсь мне
во ене привиделось бабушка сера-
рина зовѣт мѣня с собой, зѣ-
тит е скоро умиру.

Катя умерла передъ самай Тасхой
апрельскимъ погожимъ днѣмъ. Столо
велико и беспредельно было горе вей,
теперь малогисленной Емантовской семьи
Светлой весенней праздникъ Тасха был
не^{кому} в радость. Во всем этом бол
шом ^{полупустомъ} доме стояло тишина
Аммиши в гертай маме была по-
гожа на старую усохшую мотъ

хорошо старушку. Ее бедные матишки
зубы теперь всегда были мотом
сма тве, взор земных глаз потух,
нос заострился как у покаяницы.
Иван Петрович хоть и горевал, но
благодаря отменному здоровью, и
крепкому смелому и спокойному ха
рактеру не выдавал ни слез ни ма
дех свое горе. И когда рядом со
своим столом в церкви у обедни
казался всем своим видом молодой
своей стюхи. Остосмысленно и знакомо
при виде ивана Петровича говорили
„Смотрите, Еманов то какой молодец
как он еще хорошо выедит, а ведь
ему уже за сорок лет наверно. Того
года жетится будет да еще не
молодой. Дух жет пережил, а тре
тью не шатаются. Ну третьо то

уже ноги не переживет если возьмет
молодую лет восемнадцати. Да не
уже то? А что ему не жальтес
не молодой, он же богатый куда
богатство то девать будет. Дашку
он не отец любит отца по матери
злая и вредная, зятя за нее в дом
он брать не будет, взамену отдаст.
А Тихонка скоро и так сама по
себе издохнет от злости да от жаг-
рости. Но Еленову гонимы было не
когда. Насильем сев потом сеткое
Некогда было передохнуть. Работы было
много и дома и на записке. Среди
суета и суеты повседневных хозяйствен-
ных дел, стало постепенно отсиживаться
горе, смерть любимой вусеки. И при
разговоре Иван Тетравице спокойно ответил
"Так было угодь Богу. Бог дел, Бог и

взять". Что же до жены, то об ней он
не очень горевал. Во первых женился на
ней без великой любви, по одному лишь
расчету. Потом, болела она очень долго
и всем надоела своим болельем
особенно ему. Теперь он был свободен
и даже ему было лучше, он поучивался
какой то новой премь себе. Он был
спокоен. Уверен в своем капитале, только
сожалел об одном, у него нет настоящего
родного наследника. Кому бы можно было спо-
койно оставить при смерти все это
наследство, нажитое десятилетиями трудом
отцом и им, весь этот капитал не
известно кому попадет в руки. Стоху он
не доблювал за хитрость, за жестокость
да и внуку Дарью тоже. Если бы
жива была Катерина тогда бы мо-
жет и взял зятя в дом, да и то

смотрю какого. Много их найдется
на кухне то добро, мажуха.
А што Дарья вырастет, нет уже!..
Тусенька идет в замужье. Будущий
дом приданое, какое полагается и
все... Вот бы еще Тимоньку куда
справить?... Да не так то про-
сто отправить ее, в замужье
теперь уже она не зашто не
пойдет совсем состарилась как
улыбка Катерина. Ну ладно! Не идет
дак не идет! Хрен с ей пусть
тут живет, а то совсем дом опус-
тел и ему, потому то стал гостю
припоминаться тот случай на
какое когда он нечаянно косою убила
на шее куропатку и как потом пи-
цали в шее только это выжившее
из ему птеник, а рядом лежала

их мертвая мать. Тездо оцетело
птенци остались беззащитными без
матери, и их видимо расматкаем
воранки, или так кто то свел.
Назавтра утром Иван Петрович
сколко не смотрел, везд, не искал
их. Тездо было пустыми птенцики
изгнаны, не было так же и мертвой
их матери куропатки. Так вот и
его дом пошел в упадок и разоре-
ние. Завертелось колесо его не остановились
ни где, катитом прибавляет да што
толку кому это все достанется. Везд
я уже в годах, думаю про себя
Иван Петрович. Надо было мне желать
второй раз пусть на бедной, да на
молодой девке может были бы дети
Тенеро бы уж подрастали год за годом
и выросли. Дах везд кто знает похреб

от не будет. Не уже я думаю
что Бенько умрет такой молодой?
Эх кабы думать, да кабы звал...
Вся жизнь прошла ни куда, не
суда с ненужными вещами. Всё на
работе в хлопотах да заботах и к тому
все это. Вестной уже думаю не буду
открывать кирпичный завод. А Бюко
уже тут как тут. Как же говорит
завод то не открывают только итже
до само нужного шаета шитьи доши
Только итже пойдет самый лучший
кирпич легкий да звонкий, да и
работники то идут работы
надеются не медя ходит. Ну а
уже медяница само по себе не
как не остановились не ту не
другу попользики едут гулом
да веревочка, и Едизарушка тут

уже корнями врос, наверно уже и
помирает вместе будем. Кузничу
тоже надо во всякой день и зимой
и летом, самое простое возьмем
в сетокос косу наварить лошади под-
ковать телегу соху борону погнуть
а без мастерской как сера на зубило
или на колесо шину наметнуть. Нет! в
таком хозяйстве как мое не вози
не как без хорошей мастерской.

Нарадишко на скодах говорит это
я весь правый берег Кирги затопил
или вижу строится не где. А как
нее иначе. Не помещу же я все
эти сундуки в свою ограду. Тучет
говорит мне это не касается.

Тучет гонит ездки, от него ду-
лат, в своей там помертвец.

В волюте нагальство все за меня
шанки стислают и кланяются в поле

Да, я им всем этим зертвам
нужен! Они пропадут без меня
как мухи в первый же холодный
день! А я буду жить. Всем на
зло буду жить! И не думайте ка-
наши что Есмаков пропал, его
сознани бедн и несчастлив. Нет!
не бывает этому! Я еще не старик,
Вот возьму да женюсь на молодой
девке! Вот вам! И вы все мне не
указ! Мое хозяйство, мой капитал,
мои деньги! Тут все мое! И что
хочу то и делаю! Кому какое дело!
Нет я не слышу и не слышу не сот-
рещ не радуйтесь!... Братюшко иди
уши твои! Что же ты не идешь
Дашутка уже прибежала звать тебя.
В дверях его кабинета, а сам он
называет маленькой гореткой, стома

слова Тид и настойчиво звала его
узнать. Ематов отогнал меня о
женитве и сказал "Иду, иду Тид!
собирай мам пока на стол! Давно
уже собрал батюшка, иди стужит
иди, мы ждем тебя! После смерти
Серафимовича Ивановна и Катя, Тид
стала особенно почитаемой со свек-
ром. Она больше всего на свете
боялась это свекор женится, и еще
кто то вмешается в их богатство
это ей было страшнее всего, даже
самой смерти. И она решила великими
путями подлизаться к свекру, ухажива^{ть}
ему только чтоб он не женился.
Старалась даже следить за ним. Он
был деятельным как никогда. На
защитке нанял много пострадок мо-
лодых женушек и девок. А когда
отошла стужа даже утром мам

"отжимки" Велле наварила пива и
хмельной браги зарезала годовалого
теленка, и Иван Тетровые два дня
не приезжая с замки домой. Тил
надулась на свекра и решила его
наругать: "Что это ты батюшка
видишь шеровать с работниками на
замке? А ты откуда знаешь? Быва
штом там? Быва! Еще бы мне
шеровать с работниками? Тил это дело
не твоё! И не вмешивайся где тебе не
спрашивают! И он так посмотрел на
нее, что она не решилась больше ни
чего сказать. С тех пор Тил никогда
козатся это свекор это то заммилет
против ее, но это иленто, она не знала.
И не могла предотвратить. Обладил он
с ней так же как и прежде, но у
нее не споканто было на сердце, как в

предусетвии какой то бедн. Тотом
Началась молотба. После молотбы
свекор с работниками повел с хле-
бом в "дорогу". А там и до Ирдитской
ярмарки рукой подать. В ярмарку
Тиме выпросилась у свекра в Ирдит
хоть она и бывала много раз на
Ирдитской ярмарке. Тиме же менее
ярмарка на этот раз поразила ее
шумом, гамом, звоном и многолюдст-
вом. Тиме выпросила у свекра денег
чтобы купить досери Даше орехобурскую
шаль. Она ходила между многолюдными
торговцами рядами всматривая себе
подходящую покупку, вдруг откуда не
возмнешь старая страшная цыганка
настоющая баба Яла. Привезалась к Тиме
и как бы пронзила своими серыми,
отливавшими старческой зеленой глазам,

"Дай я тебе погадаю милая!" Много ты
горе претерпела! и при богатстве
живешь да бедная, и при больших
детях да без детей!" У Тим захо-
лощало сердце. Цыганка правду говорит
и она ^{невольно} астанывилась. И отошла
в сторону ^{от торговых рядов} вместе с цыганкой. "Поголоти
ручку милая всю тебе правду раска-
жу. Вся жизнь у тебя вот она
где, на руке. Тим достала не так
"Ну что ты милая! не так бед
у тебя детей много! Дай еще
приветник, погадаю. Тим достала
приветник. Живешь ты голубушка
с дочерью в богатом доме, мужа
у тебя нет. Скоро уезжишь не при-
дешь весте. Будешь огорчатся
Но на сердце близко это не кладь,
а то тебе же будет хуже.

Век у тебе долгий и проживешь
ты в этом доме но не хозяйка
и не работница. Дого видишь в
замке в богатый дом. Позолоти еще
ручку и я скажу тебе от кого надо
идти тебе неприятности, и чего
остерегаться. Не надо, я и сама
знаю все, и Тим почти побежала
от цыганки. Она и так прекрасно
знала это от свекра. От кого же
еще. Малей на ярмарке было много
у Тим разбежалась мога. Но гадать
не шло из головы. Какую неприятную
вещь я могу уловить? Вести? Ну
и пусть, уловлю... пройдет стараной
и всё... Какое, такое вести мне мо-
жет быть неприятной? Конечно то это
я проживу в этом доме до смерти, а
знаешь впоследствии всё равно все будет, если

не мое как Дашкин. Тогда не два же
века будет жить свекор. Все это мимик-
нуло в голове у Тим как молния и
угасло. Через минуту он уже забвено
и цыганку и ворожбу и свекра и вооб-
ще все. Он всецело был захвачен
выбором орехбургской шали. Это толь-
ко тут творилось. Шали испытывали
на прочность: брали за несколько вав-
синок и поднимали. Трясали в обру-
чатое кольцо. Размахивали, или во
все стороны, нахлывали себе на плечи.
Брали за уголок и сильно встряхивали,
шали были всех цветов и оттенков
белые, серые, фиолетовые и даже черные
как всегда на ярмарке было много
добровольных советников и пиджачников-
ков. Наконец Тим все же выбрал
себе шаль, и выбралась из торговки

рядов, где продавались Оренбургские
шали, дальше шли ряды где прода-
вались Туркменские и Терекские ковры.
Ковры были стелом новешанки на стенах
разостланы на прилавках и скамьях
вручати. Весь наваловат казался огромным
красочным ^{огромным} ковром. Тяжесть стеновое
как завороненная, но денег больше не
было. Верно сказала утка. Что при
больших деньгах и без денег. Вот бы
Дашутке купить в приданое. Тяжесть посто-
ла посмотрела. Наряду здесь было,
сравнительно с другими магазинами,
не так много. Чертоборские бухарцы
в шохнатых шапках и галмах за-
зывали покупателей. Но лопатом рус-
ском языке расхваливали свой то-
вар. Дальше шли шубы, полушубки,
шапки, татарские бешметы, тулупы,

и всякая прочая меховая одежда
По стенам висели бурки всевозмож-
ные дохи от енотовых до собачьих
баброчке и риси шапки. Дальше
был магазин валенной зимней
обуви, торговали Казанские татары
мардва и Вятские. Присутствовали с
валенной обувью Сибирские купцы
Тут продавались всевозможные валенки
мужские женские и детские, и Казан-
ские вышитые нарядные, и легкие
поверховые сешки. И теплые швы
из овечьей шерсти, - зимники, для даль-
ней дороги. И для повседневной носки
прогнанные, с толстой головкой, валенки
из шерсти летники. Тут же про-
давались огромные полярные кошма
войлоки подседельники и поджолот-
ники. Тут продавались сквозь толщу

царада к выходу. Неужели зайти в
другой магазин как увидела своего
работника Федота. Он бешая ей нав-
стречу и махал рукой: «Олешица
Смирдановна! Давно тебе шшш! Иван
Петрович велел немедленно идти ему
помогать! «У старший герт!» подумала
Тина, вечно у него работа! Не дает
даже походить посмотреть по магазинам,
а велух с сердцем сказала Федоту
«ладно, сейчас иду!»

Торговали Еманови на ярмарке армар
ке зерном, маслом, кожей, варавиной
льном. Иногда продавали лошадей вместе
с упряжкой цыганам. Когда Еманови
держали работника колесного мастера, то
продавали колеса. С ярмарки везли
домой другой товар, железной, мшиха
гвозди топары шшш, листовое же-
лезо, серни коск и все прочее необходи-

мое в хозяйстве. Но особенной тяги к
мартовое у Ивана Тетровича как у его отца
не было, в хозяйство ^{вникать} он не особенно
стремился. Он любил хозяйство. Любил
полевые работы, особенно на заимке
и сканивал от продажи дров.
Така был жив сын Андригоет. Иван
Тетрович старался для него. Когда
Андригоет умер и последние вещи
капиталу не осталось, Иван Тетрович
иногда стал задумываться о цели
в прок всех этих накоплений. Но было
уже не возможно, как говорил он сам,
остановить вертящееся колесо. Как
трудно остановить разогнанного коня
на всем скаку. Он, пускал в оборот
свои деньги, наживал их еще больше.
Он много безземельные безлошад-
ные батракам давал даже одежду

и пропитание и им и их семьям
к нему им стали работать в
постражки на сезон, и на целый
год, а некоторые немцы у него делают
каши летом. Он был спокойнее по-
кладнее характером своего отца
Тетра Васильевича. Рассудительный
и правдивый он нравился работникам
Работники говорили между собой так
"Если уже Есманов дал какую цену
он не повернется. Хоть сделай ей
за день, хоть за час. Там старости
после смерти сына жести и вцугки. Он
стал на много проше с народом. Да
и богатых то людей во всей округе
было, таких как Иван Тетровиц, не так
уже много. Во всей Труденной он был
самый богатый. В Карловой были бога-
тые, и в последствии вылезли в кушкет
во, две семьи Стиханн и Вершинннн

Не замечто прошел год со дня
смерти Серафима Ивановича, и Иван
Петрович всерьез стал думать о
женистве. Снохе он решил пока
не говорит ни чего. Он твердо знал
что она очень удивится, во первых,
и во вторых уже не как не
одобрит его выбор. А именно он
даже уже намерен себе невесту
молодую девушку ровесницу своей
внучке Катеньке. Свою работницу
пострадку сироту Марину из деревни
Васановой. Он заметил ее сразу же
как она пришла на помощь в
пострадки. Не зря говорится в народе
что "сердце сердцу весть дает". Помнит
Иван Петрович и будет помнить всю
жизнь тот погожий весенний день когда
две молодые девчонки подружки с котом-

каши зашли к нему в дом и остано-
новились в нерешительности у порога
подталкивая друг друга вперед.
Есманов со снохой и внучкой сидели
за столом, обедали. Там был тяжёлый
голодный. И сначала Есмановы приняли
их за нищенок. Но девушки сказали
что они пришли наняться в работ-
ницы, на мадую работу. Могут и
кирпич таскать и мадую работу по
хозяйству делать, пока не подоспел
сенокос и жнитво. А там куда-то по-
йти. Иван Петрович внимательно
посмотрел на обеих. Та это постар-
ше, невысокая ростом, смуглая серог-
лазая с гёрными бровями и с таки-
ми же темными волосами пошла
всё как сбитая, больше всего похра-
вила Есманову. Как вас звать,
красавица? Меня звать Авдотей

сказала младшая побайгее. А менте
Маринтай сказала стержина гуть
смуцадсе и крастед. „Вн што
сестра штоли? Не, мн только
из одной деревни... из Вагановой мн
отец мать есть? Байкал Дунка
сказала за себя и за подружку
у менте есть отец и ма'еха, а
у Маринки не отца не матери
только брат нестатий, крестный ее,
Маринка густо покрастела потому -
дае красивие серие глаза стали
влажннми. Еманову стало маме
девченок. В гудите души шевелнуло
отцовское гувство к гужии абздолит
наше догредм. Веполнне вчужку свою
Катерину. и невсело подумал у нашей
все было, кашис, и адежа и питв
есть... а вот Бог веку не дал...
А тут сирота, при такой бедности...

и такая красивая да гладкая. с
румянцем во всю щеку.
Ну што мне с вами делатъ краєни
девицы? Ладно уже возму вас в
работнику хотъ и не ко время прии-
м. Разболокайтесъ да садитесъ обедатъ
а там видно будетъ. обмозжем куда
вас определитъ до сенокоса што да-
леко на разных работах будете пока
куда пошлю. Может на заимку поедете
скот пасти, коров дайтъ, ткаць колетъ
там помогают, за огородам кадитъ.
Умете ткать то? Умеем, умеем
Батюшка Иван Петрович! мы все
умеем, всему научены, все по гужам
модель живем, не первый год. Хорошо!
Вот пожалуй но заимку я вас отве-
зу! Поедете? Там у меня всемо!
Нараду много. Кокушки кокуютъ соловьи
поют. Ну канеемо и комарики покуеваютъ

Комаров мы не боимся, не чегого
воспитатель. Охоты же ответить за
обоях мадам, по всему виду
остраив на язык, Дунька. Девки
были разн это возлит их повезет
работат на замку. Тимонку они
невозможны с первого взгляда, а
также и ее дочь Дашеньку. Работнее
там этим уже ^{приходящее} работат в многих
домах. Сначала в нянках, потом уже
на великих разных работах, и они
хорошо знают как трудно угождать
козникам, да если еще где тебя
погему то не возлюбят. "А такая
злудна, думам девки, будет донимать
каждый день в своем то дому, а на
замку не погресется." Ну вот и догово-
рились, знают, мы с вами. На замку,
так на замку! Степаниде там пока
помогать будете. Утре, как свет так

и солнышко будьте готовы, поезду отвезу
вас. А теперь после обеда пойдёмте
со мной, поможете на киркентом, дрова
уложить в поленицы. Да заодно пос-
мотрю какие вы работницы. А что,
мы не хуже кого другого работаем!

"Или ты езди! На язык то ты остра
обдотья, однако не клади тебе палец в
зуб сразу откусишь. Не то что твоё
товарка. Маринка ещё покрасела до
корней волос. Да я пошутил ребята!
Не сердитесь на меня. Вот вам ~~те~~
и работа. Дров тут много до вечера
вам не сложит. Которые полегче
складите, тяжёлые пусть лежат
мужики потом сложат. И Елинов
замчал по направлению к кузнице и
к мастерским. Ого! В нашей полку
прибыло! Закричал с телеги молодой

парень весь вымазанной кирпичной
пылью и гнилой. Парень был в
фланеле картузе, но холщовые
белые запыленные красовалась замата
адепт был в поскокную рубашку и
такие же штаны: но ногах ху-
дне заматные обулки. Нисуть не
смуцался своего удобного адептов
парень уловался во всю рожи,
острил, остановил лошадь по моло-
дечки срыгнул с телеги. Он подто-
зил к негам кирпич срыгнул. Там
божие проварное бабы и девки
садещи, таскали и садили кирпич
для обжига в печь. За всей этой
работой сидел сам мастер Фока
со своим помощником стариком
Саватей. Чьи же это такие крамы?
Откуда вземешь?! Ванька проезжий
живей! Хватит тебе зуби то

скалится! кригале сзади наезжал на
его воз, другой мушк тоже с во-
зом кирпичного сирца. Бабы уже
забрались на самый верх, до ма-
дываши „макушку“ Сам Фока завер-
шал путь правыми думохода.

Эй Полакёна подоткну ногу еще
выше, а то как раз бабей зацепишь
Грузная высокая баба вилюгановал
с макушки до пят в гуще зам-
кнулась на парня. „Чего ея тебе
свезжу кирпичем прямо в карю
будеш знати! Чо вапушка марк
свои беспушие Но! Но! Помече кир-
тик то не твой, хозейский! Фока
цанович! Полакёна у тебя хогет
него разворотит!“ А ти сяди ее в
бадю, да спускай в ну может она
и смерител! Работники все смеются

Ванька как маднвает сверху, полную
багню и поднимает по блоку вверх.
Багня это большой квадратный люк
в котором поднимают кирши наверх.
Радуитесь бабоньки, в другой раз сам
к вам в багю с осветительной переноской
прибегу Еремеев ван, мне к вам
поднимет, мы тебе в трубу
спустим! Балабай обедать пора!
Неняма цей навариса, в это время
послышался звон. Неняма звона
обедать и было ^{телеграфом курком} в подвешенный у
избу надтреснутый дурловый гудок.
Перед двара киршиного завода
против самых пегей стояла довольно
но просторная изба с пегю и
посадами. Работница Неняма
готовила для всех работников и
работницу, кто работал на киршиге
Завтрак обед и ужин.

Позади узон над большим навесом
стоял длинный стол где и обедали
работные. Жара стояла смертная и
все пошел умирать кто из кадушек
у колоду, а кто и на Киргу.

Толкая друг друга с хохотом и визгом
молодежь спускалась с крутого обрыва
того берега прямо к реке. "Ишо не
наробимеш угланна, на такой жарине
за ушви то дещ, подумал мастер
Бока, сколь же не крепкий этот наро
дмико батраки страшные. Но великие
невздаи привилинае и к колоду и к
голоду и к жаре смертной. Везд вот
сидит кирниг на обниг еще лад-
но так и сляк, а вот из негеи
поше обнига каково. Жара несмертная
кирниг горелгии голыми руками не
возмем, а нымцу то Боже уба
во

Вот бабушки целый день без кур-
ки таскают. Вечером, кажется,
ради бы до места, а тут семья
дома работа. Вот хотя бы взять
ту же Толмексёну шестеро мал
мало меньше, а мужик от не
здоровой стал гехотомной, того же
ди по осени то уберется. А Толмек-
сёна баба молодая работница и
такая мажкая да пошла, а враде
с чего бы? Ну про девок, парней
говорить нечего. Поужинают вечером
и уж отдохнули. Глядишь по сумер-
кам кампанируются. На
улице убегут, да до третьих не-
тухов и шапчатот. Не какой им
заботы. А тут вот как насадет
пять то неги, враде и глядишь
в оба, и глядишь этот садим как
следует. А все равно гденибудь да

и оношко вышло. то дамы по
длинноходе не, как не проходит, то
ишо што небудь не так, и киршиг
в брак идет... негодной. А Еленов, он
стал в киршиге то разбирается не
хуже чем я, а даже лучше. Нет
нет да опыт и скажет: "Боже
Уханов! што то этого в этот
раз киршигу то негодного вышло.
самого тебе правдывать заставлю.
А ведь их опыт нечем помим и
помим с Савотей адитадуют дтей
и ногей. и штоб маф от в негах
адитаковой биде. А выть все по при
метам, руку туда не сунешь, и
не заглянешь в нег, то, как он
киршиг то там обнижается. и от
драв много зависит и от погды
и от ветра. Другой раз стараеш
стараеш, а киршиге хоть брось

в дымоходах пережиганий, а в задо-
рогах совсем сжиган, вот и ели как
как тут жить надо хорошо опыт-
ные садовники, а ели молодые
да у рук не бывало? что тогда
хоть всю пень сам сади, а в
пень то сот по восемь сади.

Отучать пень тоже умеет надо
не вдруг, а естественю, а то кирки
ложки будет. Вот как затонили
пень так уже и не отходили и
в тонке шурдели, да и наверх
в дымоходы то заглядывали. Спать
не когда подремнем гутак в уз-
бушке попеременно, да опять к
пеню. Фока поновил обедать идти!
Тятюшки долго же я просидел
не заметил как молодец верну-
лась с реки и отобедать. Темперо
многие едим и ели в тетки

сараяв отдохали после обеда. Ванюха
собрал кружок девок и рассказы-
вал им это то смешное. Сидят
в центре, встряхивая своими светлыми
молотными губами, распеивая в улыбке
большой рот, и выказывая при этом креп-
кие лошадиные зубы. Девки красными
рифскими, некоторые громко хохотали
покатываясь со смеху, или замажива-
лись на Ванюху, а он как ни в чем не
бывало делал на минутку серьезную мину
и продолжал снова вытворять. Мужики
сидели отдельно степенно балагуря о гоним
то своем, многие облокотясь покуривали
трубочки, другие дремали в тени сараяв.
Пожилый мужик Сафроник крикнул Ваню-
хе: Ты што браток не зовешь обедать
Новицких то! Звал я их дядя Митрий
да не идут! Хотят видно Епанову всю
работу переделат. Им, говорит, уже отобедали

Есепанову всю работу не как не
переделам её вот сколько. Он кормит
даром не будет всегда работу найдёт
хоть в дождь, хоть в ненастье, хоть с
неба камни вошлещь. Но то он и
хозяйн, а мы работники. и у друшя
так же не лучше. Таворят оне рать-
ше вовсе били не богатые. Будтобы
дедко, то его совсем бедной били, но
одна лошадешке приехал откупить то
из Ракки. А вот пади ко ти, этот
го распахашь. Толино шо сам Тетро
живой били... Тилие ти!.. сам идет..

мужик сразу на поуселове реска.
Иван Тетровиз любил пахадить тихо
незамедленно к своим работникам.
Появился вдруг, как вырастал из паг
земли. Ну што робота, доложим
гетвертуго то пег? Хорошо! вот поим
обеда сразу к тьмай пагвозите кир-

ниг и сразу же кладите. И сразу же
Фокс ионне к вечеру запомните все!
Иван Петрович в бане бы попарился
сидит, да отдохнут до утра. Утром
тоже и запомнить. А ты вспомни
когда же первую то садим! А если
срещу много просушит до-вед нег
осадку даст! Тогда что? Опять кир-
ниг с браком пойдет. Кирниг там на-
сашен просушенный, Иван Петрович, а садим
нег мы позавтракаем вечером. Нет Фокс
как хотите, а все неги запомнит сидит
же. Баню истопить можно. Я приказу Акуле
Но чтоб неги вечером топимся все. Когда
поворачивался ветер с северо-востока и
наносил дым от Есепановского завода на
деревню, в деревне ругались. Совсем прокадил
всю деревню ескими негами, чтоб от
провалялись у ево сквозь землю.

Но они не правились, а все больше
и больше думали. Каждое лето на кирши-
ном заводе, в кузнице, мастерских и на
заводке, сезонных и постоянных работах
у Епанова уже работало до двухсот
человек, и своих деревенских и пришлое.
Свои деревенские надо вечером ухаживать
дома, пришлое оставалось ночевать тут
же под сараем, на матрах, на сено-
валах. В холодное время в мажских из-
бах в мажухе и некоторе даже зажи-
мали ~~комнаты~~ комнаты большого хозяй-
ского дома такие как мельник Елизар.
Киршиные мастера Фока с дедком Саво-
тей и друше с цим Епанови считались
их уважали больше других, и плата им
была, конечно выше. Если Епанов платил
постоянным работам мужчинам восемь копеек
в день, а женщинам по полтаку, то
Фока получал во время обмга по 20 коп

Завтраки, обеды и ужины на киршском
в сего не име. Тут же везде было
хозяйское. Так было заведено у всех хозяев.
Работа с киршом все же была самая
тяжелая. Сначала в больших ямах
глину готовили, месили и "топтали"
лошадьми. У Емановых глину готовились
прямо в карьере. Мужики ломами и
лопатами добывали глину. Бабы тут же полива-
ли ее водой. Получалось месиво, которое
нужно было тщательно размять. В карьер
заводили лошадей ^{и водили по кругу} лошади ^{убежали} в шлан-
голами, и круг за кругом становили и
разминали это месиво. Люди помогали
лошадям топтать глину когда под узду
водили их в шланговой яме по кругу. На
этой работе люди обильно мокли и прое-
тивали сильно рвонув адежда и обувь.
Но в такой отдаленной деревне, как
Треденга где больше не зарабатывали, особенно

в голландские неврологические годы.
Вздохнули от пота с распаренными раскрасневшимися лицами подружки таскали и укладывали в полетный ящик, до тех пор пока не пришел к ним сам хозяин. «Ну девушки красивые, но сегодня не хватит! идите ужимайтесь и отдохните. Завтра рано поедем на заливку. Девушки уживались у колодца в кадре, а Иван Тетравич думал Эх! сколько за полдня здесь нами натужно старались, видно и впрямь добра работников, а может только с первого начала так, вид здешний. Да, нет уж! у кого нет ни размаха, ни удара тот хоть убейся столь не здешний. Во всяком деле споравка и распоротство нужно. Молодцы девки, видно что по страхам жить не умеют. Надо будет дать им новые обушки, да

одежку кое какую да пусть на
зашке каров да тельт пасут, а Захар
ка помогать колесо делать в мастерские
пошло. Не го ему лодирю там около баб
девок околаживатся. Намедни приехал
пораньше, ильжу Анюха скотница сме-
таной его кормит, еще и завтрака не
кому не было, а он сидит себе и
перет за обе щеки сметану со све-
жим калашем, а сам давно не едал
такого. Да и сидит то, где, вовсе не
поможет мужику наладиться на пог-
ребуе, где бабы молоко в корзгах до
в крышки сливают, да падайки су-
шат. Марда у самого крайней шире
колеса, Вот им пашурникам и страк
перут да смет падеца на зашке то
глаз да глаз надо, а где еще одному
то уследит за всеми. Эх Анриноген
умер та не вору, да не во времяго

леньки и не знаешь какво туй
ми без тебе е таки то го зодешь.
вам. Козейство то вести не бародай
трести. "Што толку ми от етоки и
внузки? Какие оти ми помощники
только и гледят вилгогата дещи
девке и двенадцати еще нет, а ото
уж поминалась на приганоле. Обе е
матерого так и хоравят урвати. Нет
уж кукиш, вам, с маслом на те
ка вкушете! Все! Решето петное по-
ле Токрова на мафитке и баета!
Вот вам! Знайте кто есть Иван Тетро-
вич Емантов! Не согнуме и не согнут
менте не какие бедн и негасить.
Сироту работницу Марину от полюбил
всей душой впрвие и навегда. В мо-
лодости не усел нештатъ не какой
мобви жениши молодого но немобилмай
увезной девушке стронтивой змай с

неуниверсальным характером, но с годами при-
тык к ней как привыкают люди и ми-
рятся с какой-нибудь неизлечимой болез-
нью или уродеванием. Она была ему закон-
ной женой. А как известно от законной
женщины какая бы она не была освобож-
дает только смерть. Когда овдовела
сорока годов. Иранилась же вдова Руринна
повольнее взять в дом с гужими деть-
ми. А теперь вот только пришла Насто-
лицинская любовь, но не поздно ли?
Да и пойдет ли Маринка за меня
без меня как ни как семидесяти
идет, а ей всего девятнадцать. Топата-
юль поеватаясь может и пойдет. А до
поди ко, горе мнать по гужим то
мадам, всего в строке. Любовь к мо-
лодой девушке у Ивана Тетровица, при-
бавила ему много ^{новиз} сил и энергии

и даже доброты к людям. Он стал
выглядеть моложе, красивее и лучше
даже даже десять двадцать лет
назад. Стал одеваться чисто то и
дело ходил в баню и тщательно
подстригал волосы и бороду. Он бук-
вально на глазах преобразился. Он
стал много процветать своим работ-
никам чего бы раньше никогда не
простил. Вставал он очень рано и
поспевал везде. Он стал настолько
действительным, и навел такой порядок
в своем хозяйстве что все диву да-
вались. В пятницу в похуже марши
дни. Он приказал, зарезать быка
и кормить работников мясом. Обещал
дать надбавку и устроить отпущки всем
к Успенскому дню все хлеба будут
выжаты, и сожжены стожки с
пошей, и уложены в скирды.

Работники знают, что Есманов всем
уже это пообещает, ни когда не
забывает и не обманывает. И ста-
раемся изо всех сил управиться
со пенитвором, работами не покидая
рук. А он, сам хозяин, всего этого
огромного хозяйства ни свет ни
заря сами пригоняем на замышку
и принимаем за дело. Пообещал
даже это расчитает всех фанши
Токрова. А в погоныжки скота в Та-
ши, нашишатъ будет после отделе-
то ни когда фанши не было. Скот
гоним в заводу осенью на продажу
за те же деньги, потому что всегда
это делалось до Токрова. Мужики работ-
ники говорили в отсуствии хозяина
"и до это поделилось НиНде с Есма-
новым, какой то он стал не такой

как раньше. Та добрее што м? Или в
праведники метит, или в грешники
одно котафо. Поишотрим, увидим. Доши-
вели - узнаем. "А покуда хто знает, е
у ево на уме". Лишь бы не забне
расчитат нас как посылето. А мы
вот не ешеки, напомиши.

Кажетсе сама прирада благоприметво-
вала Есипанову в тот год, быстро ун-
равител с урожаем. Столи на ред-
кость погожие дни бабьего лета. Урожай
бы на славу. хлеба выжатки, етоки
сложени в ескурди, работники на замке
докапывали картошку, рвали котоме,
убирали все поспелее с огорода. И вот
наконец настал день, когда уже было облю-
ложено котоме ^{и бан}. Все крупнее работы зде-
ланы, осталась только молотба. Есипанов
вечер бабам на замке борит пиво
и куличку, но отжинки.

Отжимки были позначены на Богородицки
день. Еманов приехал туда с утра. Дома
еще он словом не обмолвился об этом
Только вдруг Даше сказал так много-
доме тогда вечером не ждали к ужину
это он может остаться на записке
Носевать. Работников мужиков дома теперь
у него осталось мало. Киршицкий завод с
уже давно расчитан. Киршицкий завод с
наступлением холодов, когда глина होगи
в ледок начинала сткнуть, Еманов
закривал. А киршига у него и так уже
скопилось много, длиннее сафан крытые
где тесом, где берестом, а где и сомо-
лой, втянувшись рядами вдоль берега
Кирши и заняли половину выгона, почти
весь высокий берег правобережья. Своим
старым постоянным работником Иван
Петрович накануне сказал тогда всем

на замышку лошадей. Козлин уехал с
утра, а после полудня собрались с лошо-
выми работники: мельник Емизар, кузнец
Артемий и Федот, работавший по хозяйст-
ву. Тимл вопрошивалась: "и куда же это
вы голубчики собрались втроем то?"

На замышку!, матушка Амимий Спиродо-
новна, козлин велел лошадей вести
туда на французские отавы, пусть отдох-
нут. За лето на киргизском, или же
куда досталось. Вот Федот один и беде
а вы дома оставайтесь. Мужикам это
было страшнее всего. Охотни до вышивки
да еще на даровое, Емизар хотел
было возражать, но Федот толкнул
его локтем. "Итого вые ваша!"

"Или выдумали чего голубчики! Тимл
когда сердилась на когонибудь она
всегда называла "голубчик" или "голубу-
шка". Дом и хозяйство знают оставить

на произвол судьбы, а если скотинка
домой не соберется, коровы не придут,
где я их искать буду! Немного
ведь тут остается. Да и мы к
вечеру возвратимся. Где же вы возвра-
титесь к управе. Чужое ведь дело вот
вот и скотинка пойдет домой и там
будет. Нет! всех троих я вас не
отпущу, как хотите, а один Федот
лошадей отвести может. Елизар еще
некоторое время потоптался у порога
с картузом в руках и вышел, а
Артемий еще долго договаривался о чем
то с хозяйкой. Ладно! Ребята езжайте
одни пока, а мне оставьте в задах
кафляку. Я по сумеркам верхом приеду,
Мухомки так и сделаю. А Артемий
дождется пока соберется домой скоти-
на и тоже уехал. Скотинка, дома
осыпая, Елпханови держали не так уже

много. Работница Ненна подала трех
кораб быстро и управилась с стальным
скотом накормила поросят, кур, уток
цесей. Зашла в дом к хозяйке. «Ужин
то сяди варить только для нас
с вами, мушников то же каво дома
нету. Как нету? А Артемий где?
тоже уехал на замку». Да гичае
вот только матушка Аммиль Стрфа
давохта со двора ввела, говорит хо-
зятка вела непременно там быть.
Вовсе трехнулся улом старик, дом
и все хозяйство оставил на адних
метцинт. Да ноги то теперь ван
каки темнущие глаз ваком. Не ровен
гаче пожар, ам мхой человек! А мк
што сделаем две то бабы. Не надо
варить не какдо ужину. Скиптим
воду в тунке на таранке, да

гай будем пить с вареным молоком
да со смородиновым вареньем. За гаем
хитрая Тина всегди хотела выведать
у Ненши за гаем свекор всех мужиков
на замку уманши. Но Ненша понятием
об этом не какого не имела. "Не знаю
матушка Аммилия Сифидановна, не го не
знаю, не емшало, не хто мне не го
не говорил. Ну славно Ненша преев
седни грех праздник большой завтра
посидим по дом за гаем, а спать
в малуху не ходи, а то нам с
Дашкой однем то в дому тоскиво.
Когда на замку приехали Артемиш
там уже шель мир горай. В мадекую
просторную шбу блии занесети и поста
вляти столы. Тринарешные работники
и работницк уже все сидели за одним
большим длинным столом. С раскрашеви-
мше, от виштой кулиски муами,

весь оживленный разговор. Уже начался
тот период оживления когда никто
не хочет слушать соседа, а говорит
только свое. Артемий заметил как
он зашел в избу и поздоровался „ Мир
гостям кампани! О! Артемий приблиз
Ну как ты там вырвался от хозяйки!
Каров то вся сабра! и все дружно
засмеялись. Давай Артемий сиди свое
мы не свем и не выним. Таранька
беш неси Артемья блядо шей и
жаркого, да окуржиков, да канусти све-
жепросоленной не забудь. Расторопная
работница Таранька быстро собралась
на стол. А молодая красавица Стеша
Катаева, Федосова жена, поднесла
большую глиняную кружку крепчайшего
первагу. Ну ко, Артемий Михайлович
внимай за здоровье нашего хозяина
Ивана Петровича. „ жить ему сто

лет и не старится! Козелт сидел
за столом на почетном месте, положив
на край столешницы могучую руку, другой
схватил свою елочку, без единого
седого волоска барачу, и как бы в большом
раздумьи обводит взглядом присутствую-
щих. Сидевший рядом мальчик Емизар
уже лез к нему целоваться, и певучим
пыльничкиным Вятским говарком нани-
мал в ухо: «Благодетель мой наш
иван Тетровиз! Много тебе лета...
Тут подхватили все застолье: Дорого-
му нашему козелту, ура!... Тут уже
не стесняясь могучим, как одиноким дуб
на поляне, козелт хлопнул широко открытой
своей ладонью по столу так что
подпрыгнула посуда и встал: Тыше
ва! Я не для того сиди здесь
воле этот праздник отпущки, чтобы
вы мне весь вечер славу пили

Я вам не царь батюшка, и добрая слава
не вином покупается. Не забывайте это
мы сидим тут все равны, нет не
работников не хозяев, а только гости.
Давайте здвинем все столы к стене
будем пить да милая, Федос неси
свою тальенку паиграй нам, што
нибудзь веселое. Та матузем поведем
трехним старинной. Девушки бабошки
выходите на круг. не стесняйтесь здес
все свои, все лето вместе рабим.
Стеша принесе гармошку и надела
музу Федос сел на табурет для
нагана заиграе "улюлю" потом кад-
риль, баронно, Иван Тетравиц несколько раз
выходил на круг, матуцвал и милая
вместе со всеми. Вот он ~~вот~~ при-
шел на кадрили Марину. С минуту
думала девушка стеснялась, раскраснев-

ишев как маков увет, потом легким
кивком головы поклонилась и легко и
плавно пошла в танце почти не
касаясь пола. Танцевала она мастерики
с усердием, до самозабвения лицо ее
было строго и торжественно. Увет Тетро
вне уже давно зброши с себя карман
и шнелет остался в одной белой полот
няной рубашке, не хотел здрател, усту
пите своей портнерше, тогда сарогали
бурно наступал на нее ~~в танце~~, она
же молодая леготька как козочка
легко и проворно ухаживала от него, то сама
хорошо пилише ^{белый} Эта маринка ков. музы
наступала. Крупным дисером выступил
пот на лбу и на носу у Увета Тетро
всего но он не хотел здрател в танце
Тармоннет замитил это и перестал
играть. Тарозмев пальци, заиграе песню
"Вдоль по речушке вдоль до по Козонке"

танцаря обмахивался платосками сими
на лавки. Задрнута веселую петью ими
всё. Потом опять шла фредовал всеми
падуемии куммиши, кто не был ку-
мишку, хмельного пива, или травянухи
растаронная Стенна с помощницами
посевомии везде, на тогачке подогрева
ли жаркое, то и дело бежали в поз-
ред за колодуом и за пивом. До
глубокой ночи в большом просторном
доме на зашике Еманова шло веселье
Телли петьи и был слышен драбний топот
ног. По мере того как гости пьелими
сам ходили совсем протрезвел и больше
ни капли не брал в рот хмельного. Он
знал себе меру и не разу в жизни не
напивался до пьета. Он был человек дело
и никогда об этом не забавал. Он
предполагал это рано или поздно все
свалется в пьетом ссе и должен

хоть кто то до не спать следит
за порядком. Ведь гости съезду могут
негаданно зайти сами того не ведая,
или еще что сотворить. Вот наконец
все сползло, многие уже храпели где
попало. Мелник Емзгар как свалился у поро-
га так и спал. Артемий хоть еще и
открывал ослепшие глаза и борщом
это то, но Емзгаров ему велел идти
спать. Артемий с трудом поднялся и в
место дверей пошел в переднегв. Увои
Тетровиз вывел его и положил в сетку
в горнице на полу и на лавках
спали девки и бабы работницы.
Увои Тетровиз запер дверь, вышел
и плотно закрыл дверь, затем пошел
все луги оставил только на столе
ножник светильник где горел в горнице
притили с барабанным шумом. Все кругом

стали. Есманов подошел к столу взял с
блюда кусок салада хмельного Нисего
не было видно. Направились к выкладу. В
сентя было трудно пройти от стлущих
„Нисего голубки! к утру то так вы-
вездит што все хмель праидет разом
жильо огухаетея да придежите в избу.
Есманов вышел на крыльцо потом во
двор. С вечера все небо было в звездах
и поетая муха светила во всю. Тошло
тихо. Теперь наткнуло марак и начал
накрапывать мелкий дождик бусенечу. Вот
так гудо подумал Есманов. „Не даром
говорят осенне ного диннаа на семе-
рих трояках усеваает праяхатъ.“ От
амбаров мелкокнула какая то тень
Есманов притащел в тещи навеса
и стал гедать. Вскоре человек наю
равился в его сторону и окликнул: „Кто
тут гедит? и шван Петровиз узнал по

голосу

своего управляющего. "Я тут Федос Лукич
го не слышь? Да вить забота! все пере
пишем, катальи, мужи сенки не дай бог еще
это сотворят. Ну теперь уже все устали.
Да вить есть и такие поспят малость
да встанут нехотят непременно искать
кумышку или брагу да с огнем. А слышь
долго им заранить. Хорошо Федос хоть
ты трезвый. Вдвоем все же веселе.
Помилуй Иван Петрович! до пива им
мне когда кругом пьют. Велел я
Степану все убрать падевшие вино и
пиво, перетаскали они с моринкой у нас
в избе стоят. Моринка с Душкой у
нас и есть. Ну медко Федос спасибо
тебе што ты воздержался от выпивки
а то я тебе при поезде нигде не
видел. Думаю ты тоже ушел. Завтра
я их всех расчитано, уйдут по домам
и будет порядок пошны у нас

Баб да девок только оставлю, кто по-
мечает куделью гостить. На завтра работ-
никам был хороший обед еще по круж-
ке кумники. А потом Епифанов объявил
это расчитает всех мечатущих. Кто из
женщин будет заниматься гостить куде-
лю расчит будет полный после кудельи
Кто из мужиков пойдет погонщиком
скота расчит будет когда возвратится
из дороги. Согласны так? Согласны, соглас-
ны поемшишь голоса. Силой же кого не
неволю можете седни все до седного
расчитатся если хотите. Завтра прии-
дут друще, слушайте внимательно что
я скажу. Кто хочет остаться еще
на моей замке все найдите ко-
мне! Первым пошел Камал Федос
Александр Востров и еще несколько му-
жиков. Значит вы у меня остаетесь?
хорошо. С седного же дня насчитает

составить гурт, погоним до Ташки,
Всех телят и коров тщательно осмот-
реть больных слабых стельных отде-
лить. Медлит не когда, Бог даст, после
завтра с утра и погоним скот, Елизар,
Артемий, Федот вы как думаете? Остае-
тось? Остаемее батюшка, куда вы нам
от тебя пошрать тут будем, за всех
ответил Елизар, Женщины и девушки тоже
берем в погонщики и куда кто гнетит
кто желает остаться. Кто не может
остаться расчитано. А теперь все козлом
в деревню. Расчитывать буду дома, денег у
меня с собой нету. После обеда народ при-
шел с зашки Елпанов стал расчиты-
вать всех желающих уйти от него
работников и работниц. Мужики расчи-
тывались поусами денег и уходили
домой к своим семьям, а бани и

также это сразу шли в кабак все
пронивали за неделю и опять шли к
матери к тому же Еманову. Маринка
с Душкой тоже расчитались и сгасили
вне собрались бежать домой в свою дерев
ню. Когда уже весь народ почти ушел
Еманов сунул в руки Маринке сверток
Вот тебе красавица за усердие подарок
от хозяина! У Маринки серые большие
глаза удивленно округлились, смущенное
лицо сделалось пунцовым яркие полные
губы раскрасились от удивления. Во рту
пересохло Как?.. Что.. мне? Не
зачто?.. Не надо! Да ты возьми
хоть! Маринка развернула там лежал
красивый бардовый с розами шерстяной
полушалок. Мягкая теплая ткань
словно обожгла руки. Нет! Ухот Тет
ролик не возьму я... Не привнеси
я к подаркам. Да и почему мне

одной, а Дунька, она не хуже моего
робит, мы же заедимши с ней.
Узнает Дунька, что она про метел
подумает, а что скажет! Нет не
надо! не возьму я. А подружке твоей
я тоже подарю только не такой
одинаковых у метел не найдется.
Тошто не осталась Марита у нас
куда то гостит? Домой надо
куда ты теперь пойдешь у тебя же
не отца не матери. "Издучка у нас
в Звездиной то. Тока в огороде убору
да в избе вымаю, тут и крестный
из строку с женой придут. А где они
в строке то? В Карловой у Вершини-
ных. Скоро Токров расчитаются и придут
А если я бы тебе поставил за себя
Марита пошла за метел взамуш?
Вот как видишь адит я как перет.
не ково у метел Нету наследников

Всему вы хозяйкой стала. „Ой что вы
говорите Иван Петрович как же вы
невеста! Нет!.. Нет! Не со мне
не надо! Нет! лицо ее поблуждено как
мел ручки затрещиве дорогой подарок
вспом из рук и развернулся. Тадаб-
рама с полу кое как положила Не
стол лицо ее покраснел слегка крае-
ными пятнами потом раскраснелось
пожаром и слезы вступили на ма-
зах. Иван Петрович встал подошел
к ней вплотную. Ну что ты касаточка
моя замкама видит Бог совсем не
хотел тебе обидеть, от всей души
хотел подарить подарки вам с
Дуньешкой обоим. А то что я спро-
сил об этом забудь. Конечно стар
я для тебе не го не подумай.
Да и жених у тебе наверно есть

Где подружка то твоя? Там сидит
мать дожидается, иди зови её.
Маринка вышла и через минуту верну-
лась вместе с подружкой. Ну вот деви-
цы краем за усадьбу а вам подарочки
принес и он подарил Маринке и Дуньке
по свертку. Хорошо ребята спасибо. Пожа-
ло не обесудьте одиноких в тожество
де нашей. Байкал Дунька как всегда
нашлась первая, с блестящими от радос-
ти и счастья глазами она подошла
к Ивану Тетрову. Благодарствуем! Бла-
годетель ты наш Иван Тетров лучше
отца радного. Может ишо придем кудемо
гостить. Вот сходим домой а тетьку
попроведаю и придем. Ну идите с Богом
и девушки счастливые и довольные побежали
но на глаза Маринки набежали слезы
от украдкой от подружки витирала
их кончиком платка. А ее подружка

без улыбки щебетала: „Ой Маринка какой тебе от платок то подарил, красота! шестой кашмир у меня тоже красивый да похуже. Давай до поскотины дай-дем на огород присядем да хорошенько разглядим. А когда в деревне найдем на ирису так дай мне его на вечер на один только потянуть, а так мой оденешь? ладно! Да ты же то не веселая Маринка? А с чего мне веселиться то, приеду сюда к пухтой избушке... А потом хуже того после Покрова крестной домой возвратится будет пить да дурнить, свои деньги пропьет, до маих доберется, виногом будет. А муравейника платок увидит будет дознаваться где взяла, если правду сказать это хозяйка подарил просто так, всегски будет насмехаться

сея гермет и обливает грязью. И кон-
чител тем што велко менте
вострашит обзобет и платок отбе-
рет своей Ташеньке. Дунька вдруг
стала серьезной, карие малявкие
комочие глазки ее заверкали злыми
огоньками. Нет уж дудки! Я би в
краву изцаранала мадежу если би она
стала у менте платок отбирать. А
деточи е и так отдам тешке, он
менте неает. Да и он у нас не
нет винов^{то}. Как поедет на ярмарку в
ириет мне го небудь купиет. Давай
маринка воротимся назад в Тирдеинку
к Емантаву скажем што передумали
остатимся кудемто гостить, а там
может еще што. Нет! Дунька най-
дем домой Тетра все даки я долже-
на повидаеть все сердце изболелое.
Густь хоть его радители менте не

Навидет, а с Петром я все равно дол-
жна встретиться, а то он подумает,
что я его забыла тамма другого.
Обещала я ему к Токрову обяза-
тельно быть дома. Как же Петро я
бы не когда в Ваганову не заш-
ла. Но и в Третьякову я больше тоже
не пойду тамма твоя не буду, тем
более к Еманову. лучше уж дальше
куда уйти. Беда мне с тобой
Маринка в Карлову ты не хотела
это крестный уезди у тебя отбрат
будет. Вершинник ведь нас на рабо-
ту брали... не пошла... Теперь уж
кажется его бы лучше у Еманова
опять не ладно, дома тоже не хоро-
шо. Да где тебе хорошо то, царь
какая тамма. Как последние обушки
спадут, бегом побегим да поклоним

есл. Ну подумай сама, у меня хоть
тетяка радной дома, а у тебе брат
тытница. Маринка ни чего не сказала
больше своей задумшевной подружке Снези
крупными горохом помшис из ее
глаз, она отвернула от подружки
смотрела в сторону на осенние тем-
ные листья над ногами. Трела су-
тумел по дороге как побитая собака
снези застшила ей глаза и она шло
не разбирая дороги. Дунька увидела это
подружка ей шлагет, быстро догнала
однама крепко за шло! „Маринка
шшла не реви, не надо вот уви-
дши все хорошо будет. Чигас
приидем к нам наедиме, вечером
на иршца скадим Петра твоего уви-
дим. Если он к нам сразу не придт,
то я выберу время отведу его
в сторонку и скажу. Маринка с то-

Бой хочет поговорить. А потом Носеван
к нам придем у нас на полатях
тепло. А завтра в избе вашей нег за-
тошим да мити наденем, а тебе
помогу. Вот увидишь все хорошо будет
а у тетки отрошует от непременно
отпущит от доброй. Потому что ма-
ринка не реви. ладно Дуня а уже
не реву пойдем скорее, а то как бы
дождя не пошел небо то выше зайти
мать тугами стало. Теперь вот осень,
и подружки пошли своей дорогой. Им
то и дело попадаешь на дороге кан-
ны в наши груженые и с пучками
телегами. Тюшмаи барадатый дедко
уже перед самой Карловой посадил
их на парочного подводу. Куда
пути держите девицы краенки? В
Возгатову дедитка! Ну раз в Ва

Нову далеко еще шалать вам, садитесь
на заднюю то телегу. До самого рову
дoveзу вас за Ванной горой. А там
уже ружкой подеть до Вагановой то, убежите.
Всю дорогу Маринку одолевали невеселые думы
у нее такое какое то дурное предчувствие, как
перед большой бедой было сердце. Как бы не
ее возлюбленной, парень ^{Петро} адносим ганин^т которого
она любит уже давно много лет, кажется
бы нечего было делать в своей родной
деревушке. На ее брата нехадим за тем
~~когда~~ ^{если} у него были деньги, когда он деньги
свои прошивал, без конца требовал денег
у сестры. И если в доме уже не остава
лось расколотого гроша хмурой и злой
ухадил опеть куда нибудь не забавот
ки. Жена брата Андруша, и их дочь
двенадцатилетняя Ташка, были невозмо
жны по жизни зли и жадны. И там
старше и красивее становилось золовка

тем больше потому то неавидна ее
стоха. Маринка была смелой покладис-
той с тихим характером. Но при слу-
гае тоже умела постоять за себя.
За все время дорожи не один раз думала
сказать своей задумчивой подружке, это
говаривала ей Еманов, но решила оста-
вить пока тайне. Да и зачем гово-
рить? Неужели от важном деле прие-
дет святить её, просто пошутим да
и всё. Ну какой я ему невеста, мне
девятнадцать, а ему говорят уже
больше шестидесяти. Вот и крепкий
от на вид, но разве сравним с Тем-
ран. Нет! Не бывает этому! Ты же
Маринка бармогемь? Чему это не би-
вать, а если будет! Захотаме Дунко
Ас!.. Маринка заметила это сказало
свои мими велех. "Ой задумалась я!"

Все о Тетке думаешь? Думаи не думаи
сто рублей не деньги. Там же скорее,
дамаи охота. Хорошо да в людях
худо да дома. С полей убрал,
ти перал везерки да посиделки нажуются
весело будет. Не гарной маринка, а
ге ^{мне} гребать то, я и вовсе не гарюю.

* * * *

Деревни Воланова образовались примерно
тогда же как и все мелкие деревни
такие как Тамшева и др. Первые
жители были конечно каторжане отбыв
шие каторгу и сосланные в Зауралье
на вечное поселение. Когда эти места
были обжиты каторжанами. Стали
приезжать переселенцы самоходки. С
тех пор малоплодородных земель. Ветской
Вологодской и Новгородской губерний.
Как я уже писал в первых главах
моей повести. Это с развитием

промышленности по Уралу, еще Петр I
всегда старался поощрять Демидова
и поддерживать его заводы. Поэтому уже
в то время его военная промышлен-
ность была главной арсенал России.
Нужно было в короткий срок заселить
все плодородные земли Зауралья, создать
жилищу для Уральских заводов. Служит
всем неблагоприятным как правительством
так и рабочей силой. И несмотря на
крепостное право в центральной России
из многих губерний люди переселились
в Сибирь и Зауралье.

Валаново некогда стал на вид деревня,
из тридцати дворов стояла на той
же реке Курге в низ по течению в
пяти верстах от Карловой помещика
прихода и волостно в Карлову. Курге
в этом месте не была широкой из-за
множества в верховьях прудов и плотин

На самом вьезде из деревни в старину
урубита у сама полевских ворот, В тети
раскидистых геремух и рубити стала
одинока старая покосившаяся избушка
и шедла на проезжую дорогу двумя
подслеповатыми окнами. Когда то у
этой избу били маломальские пристрой-
ки теперь же кроме покосившейся во-
рот и раскратого без криши сарад ни-
чего не было. Тамсадики перед окнами
давно бие изрублен на дрова, только одни
кусты рубити и геремухи не смотрят
ни на это продолжали буйно разрастать
ся и давали тети и приют в жаркие
летние дни бродящим собакам и свиньям
а заодно и скравали от глаз проезжа-
ющих по дороге людей, все удобство и
ветрасть этого надворья. Марина радилась
и выросла в этой избу. Отца она не
помнит совсем, от матери осталась не

седьмом году, и брат сразу же ее
отдал в нянюки, потом в барнаволоки,
а потом и вообще в страк на стра-
ду и даже на целый год. Но за
фрагетом к хозяйке как обмято явилась
сам забирал деток и прошивал их.
Машинка в детстве не помню не одного
дня свою мать здоровой. Особенно трудно
и тяжело было им зимой. Смутно как
во сне помнит как они с матерью
зимними вьюжливими вечерами лежат но
печи зарывшись в фланов тряпке. Еще
протопленная хламом, с утра, печь, осми-
вает. Ветер вост в трубе. Заткнутое
тряпкой разбитое окно промерзло. Как
возь. Мать ворогаетел но печи, вздыхает
и крестится. „Тоскою и се эта хворь
ко мне привезалась. Скорей бы проходила
вздороветь да к рождеству хоть бы

где ^{у кого} изба помнит. Люди будут разговиваться,
а у нас есть то же дело. До го мы
домши, госпади! Мать еще долго воегаетса
принимает к себе Маринку. Си доко
завтре пойдем к деду Фиките он
нам дров привезет у нас тепло будет
Маринка принимает к теплому мате-
ринскому баку и заснает. На утро метель
~~утрачена~~ ^{уринка} сильно примерзимо. Светит хо-
лодное зимнее солнце. Тепло совсем оста-
ло. Наевоз промерзли стены избушки.
Маринка проснулася от того что у нас
замерзли ноги. В избушке такой холод
это видно как дыханье выходит из
губ. Мать наскоро одевает Маринку и они
идут к соседям. На дворе наево по
колено снегу. Снег на крыше и даже
в снях. Мать выметает снег из сней
и с крыша прогребает к воротам
дорожку и приговаривает „Эк само ево

напустило, в следующую собаку! Но у меня есть
вечером совсем отцелось к погоде то.
Тюхануи Никита и не поедет по
добра то. Они выйдут за ворота
и идут через дом к соседу. Сосед Ни-
кита Савельев пошлой с сединой око-
дистой бабагой убирает за оградой
еже. Мать покланяясь Здравствуйте
Никита Савельев! Здравствуйте Акулино-
го пришла? В ножки падают, Никита
Савельев дров у меня не сколько нету
совсем замерзает! Яви, голубчик божескую
милость привези уж нам хоть кремня
сушильну какого нето. Да ты што
баба совсем одурела снегу вот сколько
набуровило как тиньра в ме ехоти?
пусть хоть погода установится да
дорогу промнут. Да што же мне
теперь то делать? это ми с девкой
то замерзает. Привези, голубчик, Христа.

ради, Стенка потом погетовишку в мо-
лотбу отработит, а нето и др. мучо
у Фикиты зделалось хмурим злым.

Не говори мне Акулине про Стенку,
когда он кому отработывал! Такого в
свете не было. Ты уж не обижайся
лишомек он записной у тебя, бездомовик
негадной человек не го пунтого из него не
внидет. Ну как же ему дроб не знае
ти было матери. Вить дроба те лета
запасают, а не зимой. Мать стояла на
морозе в рванья стоптанныя обушка
дроба от холода и макала. Тилда
на мать заревела и Маринка. Ну ма-
но Акулине мамеюги тебе и дого твоего
привезу ваме еущенку только не езди
а теперь пойдем в ограду. Фикита по
хозяйски огред все стег взял лопату
и пошел во двор. Акулине с Маринкой
за ним. Вот санки берите вот с той

помещицу сухих дров и потащете, Маринке
помещик как она тошни нег добрили
сухими дровами и благодарное тепло
разливалось по всей избушке. Брат
Стенко, он же был крестным Маринки,
был старше ее на целых шестнадцать
лет, был он высокий красивый статный
смуглое лицо, густые брови и серые глаза
вадом он был паренъ хоть куда выжи-
тний отец и мать любовалась им
на его. Сейчас он был в той самой поре
как его отец, был молодым краив. парнем.
Когда, она, Акулино молодая восемнадцати-
летняя девушка из зажиточной семьи
встретилась тайком от родителей где
нибудь на задворках со своим возлюблен-
ным. А он болтал ей всякие небылицы,
беспощадно обманывал и хвастал. Был он
единственным сыном мастера обувщика
рано мишавшемся родителями влиг промо-
тал все отцовское наследство, и сам

этом вскоре нажимаешь к богатому в
страх. Скоро не противился родителям
Акулины, догадка их не послушала убедам
убеждала взаимно за Васю, обвинякова
снова. Родители махнули ее и дали
по возможности хорошее приданое через
год родители ент Стенка. Отец купил
им в Вагановой поместье. Но моло-
дой зять Василий Анисимович не стре-
мился ровным светом не к земле.
Земле полагал не одну душу не обраба-
тывалась и не засеивалась и чтобы не
пустовала ее здавали в аренду. Коровы, кото-
рую дали в приданое Акулине родителям, пала
когда был в деревне падеж скота. А лошади
с упрямкой продал Василий на ярмарке
и деньги разошлись неизвестно куда. С тех пор
она мало видела его дома, то от падеж
по деревням, нажималась то к одному то к
другому хозяину, иногда его выгоняли за

какие нибудь градежи и он полюбил
дом но не надолго. Потом уехал
снова, в Ирбите он елечки много
козлов работал и у обшного мастера
и на кирпичном заводе и на рудном и
подручными каменщице работал, и в заводе
ходил на заработки. В деревне его
на мамин и дали прозвище Вояк
белый. Работал Стежка радилась Марин-
ка, Акулине весной скандала покатой
большой огород засаживала картошкой
и разными овощами, и шла с ребя-
тами нажиматься на стразу к богатому
козлову. Родители её к тому времени
уже умерли и жила её с семьей и
непуженым мужем стало совсем не
возможно. Стежка так и вырос в страве
возмужал. Женился тоже на стравной,
пришла из заводов, в голодный год,
девке изавете.

Вдруг откуза то, как еще по голову,
свистел домой отец. Стало настаивать на
продаже избушки. Но Степан с женой и с
матерью сопротивлялись, и избушка осталась
не продана. Наставшее первое время Степан
враде бы взвесил за хозяйство родимое у них
дога Тлафура и пошло все хорошо Акулине
радовалась. Лишь бы Степан хорошо жил, а
мой Маринка уже как ибудет за вырастет!
Муж ее отец подался куда то в бега
а Степану совершенно нечем было прильнуть
к дому. Лошади не было, и не на это было
ее купить, корову так же. Еще дотянули
до весны и отец пошел все нахлебаться
в страк. Летом от тифа в Ирдите умер
Василий. Два дня лежал в работной избе и
был похоронен по приказу городского. Что ес
муж умер от тифа, Акулина уже узнала
вдоль после его смерти. В тот год тиф
сильно в Ирдите свирепствовал и всех умер.

иных пришедших работных людей и брига
характером в адты общую мощь. С гадом
и Степан привик к бригаменту и
стал вышивать, только с той разли-
цей, что они ходили всей семьей и
осыло неизменно хоть не надолго воз-
вращались в свою избушку. Три расгет
покупали кое какую одежанку. Потом
набором вина и оба с женой шли.
Лизавета была злая дерзка, в пьяном
виде драмась с мужем тем поезде и
сквернословила. Ей ничего не стало в пья-
ной ~~виде~~, а так же и трезвой всеко
выругать ~~тем~~ ^{болотную} свекровь и золовку.
Когда умерла мать, Маринка стала
жить в гужих морях. Здесь она про
своих родителей, наслушалась от козлов
всехай всегична. Некоторие были такие
козлева модими настрасть поусуджить
и обмант грезно ее бедных родителей.

Отца ее называли не иначе как бродягой
мнтяком и пленницей. Потикались им давали
прозвище Ваял гулкой, Ваял беглой и прочее.
Мать тоже не оставили в покое говорили
про нее великую геницу, даже и то что буд-
тобы она, Маринка вовсе не дочь Ваяла
а нагуляла, прижита матерью с каким то
гозелком. Маринка злилась, ревела в бесимной
злобе, но ниша скривя сердце. Ведь крестный
Степан ее отдал на год в няньки, и не
куда ей ^{уйти} отсюда, из этого дома нет дороги
~~как~~ разве только как матери в могилу.

Но Маринка с детства испытывала все
мешки и невзгоды, с крепким здоровьем
закаленная физически привыкла со своей
судьбой надеялась на лучшее будущее, ниша
роста, становилась все более похожей на
своего брата крестного Степана и обещала
быть даже красивой, характер у нее был
тихий добрый покладистый как у покаяницы

матери. Маринка никогда не слышала в
детстве такой матерщины на чужде-
вого отца или сына. Она только взди-
хала, плакала втихомолку и иногда
говорила с кем нибудь из соседок:
„Несчастливый от у меня, не везущий“
Она страшно любила мужа всю жизнь
не смотря на все его недостатки.
Жила и терпеливо относилась все его
прихоти и прокусы. Сосудки же в свою
очередь, одне сочувствовали ей, участливо
поддерживали и говорили: „Такая ты Аку-
лина слава да добрая, а живешь толи-
ко мужишеск. Мужичко ты господь.“
Другие наоборот осуждали ее: „Рожила
а не баба, Такая надо было жить одной
весь век, старой девой не га в замуж
лезти. В замужем надо жить уметь
мужа и детей держать в большой
строгости. А иначе не го не выйдет

Дети разбалуются а муж обнастит. Мой
бы мужик так шатался не ради, да
а бы его сам понаде каждый день
буткала и не кормила. А она рада
что он домой то хоть придет! Твору!
и есть же такие моменты, привет Тосе!
Вот и живот мучает! Так ей и надо!
Тю богатых всегда говорят меньше, не
сметот, а бедные да негодные и бивают
у сметтну, "притгей во дучих".
В Вагановой богатых хозяев не было,
таких как в Треденной Еманов, в
Карлавай? Стяжини и Вершинной. Там
хозяева середняки. Но в стразу Петра -
дак Натидмам много. Родители Петра
Ваганова были как раз такими серед-
няками. Петр был старшим в семье
остальные детаре брата были подростки
а последняя девочка была еще не тре-
твем году семья большая. Земли

получено на шесть душ, и они на лето
всегда наняли работника или работни-
цу. Маринка жила у них одно лето
в пострядках. И тут они с Петром
почадились друг друга. Наглыми тайные
свидания, назгались ветречи. Но за Пет-
ром во все время следили все его
родные и вкороости всё было известно.
Оба получили строгое внушение. Но
через некоторое время молодые люди
опять стали ветрегателся на едиче
где нибудь за пригатом, за обитом
или в поле украдкой говорили друг
другу несколько слов. Не дожидая у них
Маринка до Токрова. Рассчитал её розд-
ит и ввнриведит из дому. Не розу,
больше у них не была, но с мобилити
все равно ветрегателся на шрицах
на поседелках на катушке о мас-

лету. На светках висели бегам фл-
жентки. „Слушались“ на раскатах. Потом
после вечера провожал ее, озлобленную, в
ветхую худую адежанку. Там же стояли
у ворот ее ~~башни~~ ^{походившие} избушки на самом
конце деревни. У Маринки все сидело
от трехкузого мороза. Третьем ее Петр
под попу своего дурного полушубка
дул, но озлобил, но морозе пошлости.
И Маринке было тепло и радостно от
ветра с мадами. Сколько было сказано
слов, завершил мады до гроба, в
такие ветра. Но они не знали, не
могли придумать ничего такого как
помирить родителей Петра с Маринкой,
этаки согласились они взяли Маринку
к себе в дом. Сколько Петр не старал
ся заговорить об этом ни отец ни
мать не в какую не соглашались.
А наоборот всечески надиктовали обидеть

зрелую её радишей и брата, а заодно
и ее самую. Товарищи в адит голос
это путевого нищего из её не выйдут
Наговаривали про нее Тетру великие не
близки, это же она со всеми хозяева
ми везде связывается, где бы она не
жила. Но Тетра не хуже их знал
Маринку и не верил таким наговарам.
А все продолжал встречаться со своей
любимой. Помнил он Маринку впервые
и на всю жизнь. Устал после
привадов дома он думал: "Ну как
же там быть с Маринкой? Уйти
из дому?... Нет ни за что! И он
еще больше подкачал к отцовскому
крепкому высокому месту в центре
деревни. Мень больше думал. Нет из этого дома
я не куда не пойду! Уйти из дома
пожалуй по ступкам наладившей!
Всего же не бывает, так и

эта кутерьма все равно все то кот-
гител. Уломано же в катуе катуов и
и. Маринка елирента работница,
матери была бы хорошей помощницей
Ведь сама же все говорит это ей
трудно одной справиться по дому
Вот и будут мне жетить, а если
мне кроме Маринки не надо не кого
оте и будут вынуждены согласиться.
Куда они денутся, раз мне не надо не
какую другую. Мать у Петра была родом
из деревни Каминна. И ему довершим сто-
рочай, слухи это проглат ему в светит
дого какой то ей маме подруги, которую
Петр и в глаза то не видит и зная
не знает, и на что? зачем отец ему
когда у него давно уже есть своя
деревенская невеста Маринка Васильевна.
Пусть отец будет и без великого придела

Это не важно. Одежда дело нежизненное.
Будем работать из всех сил, скота
разведем побольше, все будет! Зато
меньше по мабви, а остальное все
будет. Но будь Тетр побайже и постас
таинстве может и отсюда бы свое
счастье. Но слишком уж не смелым
оказался Тетр. Недем за две до Токрова
разгнетем обильнее это его этап осенью
будут жетить. "Но как же вы жетить
жетить то собираетесь?" Но как
нужно не так и жетить! Тосколку
саме так без поветил. Не можем себе
выбрать невесту. У жетя даво уже
есть невеста, а ее мабно! А где она?
позволе знать? Где, известное дело в
строкке, в Тредентой, К Токрову домой
возвернется. Там дурень забудь о ней
навегда. Не казал она тебе не невеста
Оно уж там за лето то, поверно, нить

да десять лошадей таких как ты. Невров-
да! Не кого у ней нет! Отец меня
любит и любит и я живу только
на ней. Этими словами Петр скан-
дельно вывел из себя и отца и
мать да же восемнадцатилетний маж-
орский брат Митяка и тот сошел
с лавки и стал горой вместе с
отцом и матерью. С нашими злобой
глазами отец пристально подошел к сыну
"Так что сушит сон удушил? Попробуй нас
стать? Нет не выйдет! Я тебе прок-
ляну и по миру пушу! Верно в строке
будешь до смерти!... А тут тебе и корова
и лошадь будет за невестой, а уже добра-
то великого поща сундуки. А девка то
маша не гета этой твоей фрезо-
-риной. Милуют же с гостатком
семья не большая... Дурак ты! Надо
уметь жить то! Знает что к чему

Семье у нас большая так надо как то
выкручиваться. Троем вместе в семье год
два, а таме медом еще есть помо
жет. отделим вас да всем скопом
вам дом поставим, а там видна
будет, кому не будете мешки. Так
скоро и в ладу выйдете. А та
Батя шибко на приданое не зарвел
с приданым то обмануть могут.

Как это, может, обмануть? Дадут старую
без зубов кобылу, што с нее толку то?
Да нет уже, не таков я этот мить с
приданым дадим! я еще на севоре
пару гусей вырощу, много видел у ихней
ограде гусей то, пади все ихне. Заезжал к
им наездник и лошадь и корову приданую
видел. Нет, не старая, кобыла молодая
лошак ошеремилась, жеребеночек такой бое
сенький по всему виду лошадка из него
добрая выйдет

Да што те вѣ бацюшка, да как те вѣ
вѣи безъ мѣры то решиши? А што тебѣ сра
шавать коли у те ума то своего нѣтъ!
Довольно! Какъ я сказалъ такъ и будетъ
Для твоего же блага стараюсь! А эта
твоя махина не зайдетъ въ нашъ домъ не
когда! Не бываетъ этому! Татень! Въ воскресе
сенье зловаръ, вотъ и все! Потешечко у Петра
въ глазахъ. Въ ушахъ звонъ это о Таске. Славно
кто то невидимки по голове обухомъ ссе
зди. Задумовъ сердце пудовымъ молотомъ в
чуди. Во рту противная горечь. Невносимо
тяжело на душе. Нѣтъ!... Нѣтъ!... лучше
въ страк! Чемъ такая миста! Лучше в
Киргу!... вонъ, вонъ да што это!
Силай мѣнитъ когут! Ну какъ знаешь!
можешь и в стракъ это твое дело!
А всеромъ на козельской кровати отцу е
матерю долго шепталъ Надо мѣнитъ по
корее Тетруху то, пока та накуда не

возвращаемся домой. А то все дело испор-
тит. Не бойся мать все по нашему
будет! Уж и Тетруху знаю от земли
и хозяйство до смерти мабит, так
это не куда не пойдет из дому, и
женится так как мы укажем. От
страху боится как дерт лагачу. Ну
не без того, покоевряжител маюет, а все
же женится вот увидишь. Затева адно
какую то любовь! Да где она?
Тцетяки все это! Дом есть, хлеб
и скотина есть! Вот и все
любовь, а там ребятинки пойдут
стершится - слюбится. А сват от сими
мать кроткой подамивей, может будет
на зоваре то еще што нибудь вын-
роситъ хоти ржи на семена для моло-
дых то пудов нетъ. Ну те уже сват
рад старатся, кажес бы у пона корову
выпросил А ге! Все в дому пригадася